

Тайный рыцарь

Автор:

Руслан Мельников

Тайный рыцарь

Руслан Мельников

Тевтонский крест #2

Продолжение книги «Тевтонский крест».

Омоновец Василий Бурцев, оказавшийся в прошлом, давно сменил милицейскую дубинку на рыцарский меч. И рвать из ножен заточенную сталь ему не привыкать. И не отвыкать – ведь заклятые враги не собираются оставить его в покое.

Прибывший на турнир Тевтонского братства тайный рыцарь вооружен... эсэсовским кинжалом-динстдольхом. И у случайной подружки Бурцева вдруг обнаруживается кольцо «Мертвой головы». А тут еще жене Василия, капризной малопольской княжне, вскружил голову дерзкий немецкий дворянин.

Хорошо, что рядом по-прежнему верные друзья, которые не предадут ни в Польше, ни в дикой Пруссии.

Книга публикуется в новой, авторской редакции.

Руслан Мельников

Книга вторая «Тайный рыцарь»

(обновленная авторская редакция)

Пролог

Это был даже не обоз. Раненных везли не на санях – на носилках из копий, плащей и щитов, закрепленных меж лошадьми. Далеко растянувшуюся и вязнущую в снегу вереницу всадников охраняли полсотни вооруженных кочевников. В глухих заснеженных лесах Куявии низкорослые мохнатые лошадки и смуглокожие всадники с раскосыми глазами смотрелись диковато.

Степные пришельцы и сами прекрасно сознавали свою чужеродность и не рассчитывали на гостеприимство польско-тевтонских земель. Знатные нукеры в прочных пластинчатых латах и легковооруженные лучники боевого охранения продвигались крайне осторожно. Молча. Почти беззвучно. Не снимая доспехов и не убирая рук с оружия. Как и подобает опытным воинам, волею судьбы заброшенным на чужую территорию. На территорию врага.

Отряд вел молодой суетливый паренек с глуповатым лицом. Этот на кочевника похож не был. И вооружение проводник имел плохонькое: звериные шкуры, да неказистый лук, не идущий ни в какое сравнение с мощным метательным оружием степняков. Замыкал процессию насупленный азиат – древний, седой, сухонький, но достаточно крепкий еще старик. Бездоспешный и безоружный, если не считать обоюдоострой – с двумя широкими наконечниками – палки поперек седла.

До сих пор степные воины благополучно избегали встреч с редкими сторожевыми разъездами польских панов и дозорами тевтонских рыцарей. Звери, коих в этих краях водилось видимо-невидимо, тоже их не беспокоили. Даже самые голодные и опасные хищники предпочитали выслеживать добычу подступнее и пока обходили вооруженных людей стороной.

А вот снег доводил до бешенства. Снег был всюду. Глубокий непролазный – под копытами. Нависающий тяжелыми белыми шапками – на еловых лапах. А еще снег без конца падал и падал сверху. Валил густыми хлопьями, забивался под одежду, таял, студил...

В северных краях морозный снежный хвост всегда тянется за уходящей зимой особенно долго. Но в этом году весна, похоже, и вовсе позабыла сюда дорогу. Конечно, слякотная распутица была бы ничуть не лучше непролазных сугробов. Да вот только сейчас об этом как-то не думалось.

Замерзшие, злые воины прятали лица под остроконечными шлемами, отороченными сопревшим мехом. Отсыревшие тетивы пришлось снять с луков, колчаны и саадаки – закрыть наглухо. А без привычного дальнобойного оружия кочевники чувствовали себя неуверенно. Впрочем, лес – не бескрайняя степь: здесь от тугих монгольских луков и длинных стрел все равно проку мало.

Рукояти сабель и палиц скользили во влажных ладонях. Ремни снятых со спин и седел щитов натирали руки. Уныло свисали с копий отяжелевшие бунчуки. Выносливые, привычные ко всему боевые кони брели понуро, без энтузиазма. Даже запасные – загонные – лошадки, которых всадники вели в поводу, выглядели донельзя уставшими. Оно и понятно: слишком часто животные проваливались в сугробы по самое брюхо. Привязанные к седлам носилки со стонущими ранеными, то и дело скользили по рыхлым пуховым перинам.

Утешение было только одно: скоро... скоро все это закончится. Скоро можно будет укрыться от снега под надежной крышей и отогреться у огня. В неприютной глухомани чужих земель, вдали от торговых и военных путей, было надежное убежище. Единственное место во всей Куявии и, пожалуй, во всей Польше, где пришлым кочевникам будут рады. И до заветного убежища этого осталось ехать совсем ничего.

Лучник, следовавший подле проводника, вдруг натянул поводья. Взмах руки... Жест тревожный и обнадеживающий одновременно. Что? Враг или друг? Бой и смерть среди холодных сугробов или конец пути и долгожданный отдых?

Отряд остановился. Воины мгновенно изготовились к бою. Сталь – из ножен. Повод – подобран. Щит приподнят. Так надо. Если хочешь выжить в неприветливом чужом краю, только так и надо. Пусть даже друг и союзник, готовый прийти на помощь – где-то рядом. Кочевники хорошо усвоили законы войны. И о том, что самые верные союзники не всегда вовремя успевают на выручку, они знали тоже.

К дозорному стрелку и проводнику приблизился еще один всадник. Не просто надежные, но и богатые доспехи, а также изукрашенные дорогими камнями сабельные ножны выделяли его среди других степняков. И еще лицо, жестоко изуродованное лезвием секиры. Боевой топор стесал кожу с виска и левой скулы. Рана – свежая, едва затянулась. От жуткого шрама, что останется после нее, уже вовек не избавиться.

Шрамолицый не обменялся с лучником ни единым словом. Зачем? Лишний раз нарушать тишину и задавать вопросы не было нужды. И так все ясно. И так все видно.

Лес кончился.

Они пришли.

* * *

Перед ними раскинулась заснеженная равнина. Широкое, расчищенное от деревьев пространство на берегу Вислы. Гладкая пустошь без вязких лесных сугробов, покрытая надежным крепким настом. Скакать по такой – одно удовольствие. Когда-то тут были пашни и крестьянские домишки. Теперь царило безлюдье. Лес вновь предъявлял претензии на некогда отвоеванную у него землю. Небольшие островки кустарника и молоденькие деревца видны повсюду. Пока, впрочем, еще слишком слабые, чтобы помешать обзору.

Вдали, в самом центре равнины, поднимался пологий холм. Вроде тех погребальных курганов, что в изобилии встречаются в степи, только побольше, посолиднее, с каменистым основанием и склонами. На вершине холма, словно прильнув к скальной породе, проступающей кое-где из обледеневшего грунта, возвышается замок. Не большой, не особенно высокий, но приступом брать такую крепость тяжело. Было тяжело... Когда-то, а теперь...

Сработала давняя привычка. Предводитель кочевников подал лошадь назад – в холодную тень деревьев. Лучник-дозорный и проводник последовали его примеру. Глаза видели то, что видели. Да, они пришли, но... Но произошедшие с замком перемены озадачивали и тревожили.

Ворота нерадивые хозяева замка толком восстановить так и не удосужились. Наоборот – разобрали временный частокол с узенькой калиткой, возведенный на месте разрушенной надвратной башни. И что взамен?

Зияющий проход закрыт какой-то нелепой железной павезой. Оттащить такую в сторону и поставить обратно – целое дело. Придется впрягать коней или быков. Крайне неудобно и весьма небезопасно. Над громоздкой конструкцией, выполнявшей нынче функцию замковых ворот, над стенами и вспомогательными башенками возвышалась главная башня замка – донжон. Сверху выглядывал не то лучник, не то арбалетчик, не то воин с коротким метательным дротиком. Один единственный дозорный охраняет крепость?! А мост! Собственно, не мост даже. Обитатели замка, не мудрствуя лукаво, соорудили во рву основательную насыпь. Засыпать собственный ров! Да где ж такое видано! А сверху еще настелена мощная гать. Ни поднять, ни разрушить такой мост в случае осады невозможно, а сбить с него вражеский таран – так и подавно.

Но больше всего озадачивало и тревожило другое: ни на стенах, ни над нелепыми воротами, ни на наблюдательной площадке донжона не видать знакомого союзного герба – серебристой башенки на синем фоне. Не развевались, впрочем, здесь и знамена с причудливыми геральдическими знаками других польских панов. Тевтонских крестов тоже нет.

Лишь вяло шевелилось на воротной павезе намокшее полотнище со странным символом. Круг, квадрат... Прямые линии, прямые углы... Черное на белом... Что-то новенькое... Что-то совсем новенькое. Пугающе новое...

* * *

Предводитель кочевников колебался недолго. Они еще не приблизились к замку на расстояние полета стрелы, а значит, находились в относительной безопасности. Из замка их не достать. Вылазка? Что ж, тот, кто захочет их атаковать, скоро пожалеет об этом. Полсотни отборных степных воинов – не шутка. А отступить... Так некуда им здесь отступить. Не родные степи вокруг, и в этом чужом заснеженном и вконец опостылевшем лесу долго они не протянут. Особенно раненые. Да и поздно уже отступить-то. Заметили ведь в замке, наверняка. Стража вот, правда, почему-то не суетится. Не похоже это ни на коварного врага, ни на гостеприимного друга.

Седой старик с обоюдоострым копьём приблизился к вожаку. Заговорил, отчаянно размахивая руками. Шрамолицый выслушал его доводы почтительно, но без должного внимания. Старец призывал к осторожности. Что ж, предводитель кочевников будет осторожным. Настолько, насколько может быть осторожным человек, привыкший воевать и побеждать.

Решение принято. Властный взмах руки послал к крепости двух разведчиков. Уходить отсюда просто так, ничего не выяснив, нельзя. Еще один повелительный жест... Носилки с ранеными укрыты за ближайшими деревьями. Еще дальше в лес степняки отогнали запасных лошадей. Присматривать за табуном оставили молодого проводника и старца.

Шрамолицый отдавал новые беззвучные приказы. Воины рассредоточивались, подтягивались к деревьям на краю леса. Оружие готово к бою. На лицах – ни следа прежней усталости. Если возникнет необходимость драться, атаковать нужно будет всем сразу. Навалиться гурьбой. Быстро. Громко, Взять наскоком... Это действенный прием. Это сбивает с толку противника. Это вселяет страх во вражеские сердца. Нужно только выбрать подходящий момент...

Всадник с рассеченным лицом напряженно следил за продвижением разведчиков. А на стенах по-прежнему – никого. Не бегут к бойницам стрелки, не мелькают над каменными зубцами шлемы и копья. Замок спал, как и все вокруг, спал затянувшимся зимним сном и не желал пробуждаться. А ведь дозорный с главной башни давно должен был подать знак своим. Не подал... Может, все-таки ничего страшного? Может, узнал союзников и не счел нужным поднимать тревогу? Хорошо бы, если так.

Два разведчика преодолели ровно половину пути. Теперь любого из них легко достать со стен стрелой или арбалетным болтом. Никто, однако, не стреляет. Но и не спешит навстречу. Странно... Очень странно замок встречает гостей.

А есть ли там вообще кто живой? Все это начинало здорово смахивать на ловушку. Или на неприятный сюрприз.

Разведчики остановились. Прикрылись щитами. Топчутся на месте. Им запрещено приближаться к стенам ближе, чем требуется для того, чтобы перекрикиваться с защитниками. Оба что-то кричат, машут руками. Оружия в руках нет.

Громоздкая воротная павеза вздрагивает... Она не откатывается, не открывается. Она поднимается. Криво, косо, нелепо. Один конец заграждения остается на месте, другой задирается кверху. Удивительные ворота! Но они уже не преграждают въезд в замок.

Краткий сухой приказ шрамолицего – и вот уже весь отряд выдвигается из леса. Лошади идут неторопливой трусцой. Путь свободен – чего еще надо? Но на опасной границе – там, где стрела, пущенная из замка, утратит большую часть своей убойной силы, ударит на излете и не сможет причинить серьезного вреда, кочевник со шрамом на лице вновь останавливает воинов. Отсюда еще можно успеть отступить к лесу, если сонная крепость вдруг оживет, если проявит враждебность. Последняя мера предосторожности...

Чуть позади шрамолицего всадника придержал коня копейщик. Шрамолицый кивнул, не оборачиваясь. Копейщик поднял копье, тряхнул бунчуком. Снег с отяжелевшего конского хвоста на длинном древке осыпал обоих.

Разведчики впереди заметили знак.

Тронули коней, двинулись наискось – к распахнутому проему ворот. Ехали рядом – стремя в стремя, словно ища поддержки друг у друга. Ехали молча. И ехали медленно.

Отряд, вставший между лесом и крепостью, наблюдал. Отряд ждал... Предводитель степняков застыл в седле, стараясь скрыть от соратников внезапное предчувствие беды. Оно нахлынуло, накатилось вдруг, ни с того, ни с сего, из ниоткуда. Страшное предчувствие неминуемой, неотвратимой гибели в чужой северной земле, среди лесов и болот. Сердце защемило от смертной тоски. Но он сидел прямо и недвижимо. Только зубы стиснуты сильнее обычного. Только щелочки глаз поблескивают стальными отблесками. Только из-под шлема стекает холодная капля.

Одна, вторая, третья... Прямо по шершавому желобку незарубцевавшегося еще шрама. И это уже не тающий снег. Это пот невероятного напряжения.

* * *

Испарину на изуродованном скуластом лице, было хорошо видно со смотровой площадки замкового донжона. Четырехкратный прицел винтовки «Kar-98» давал снайперу такую возможность: надежная немецкая оптика безотказно работала и в условиях низких температур, и при повышенной влажности.

Скорострельные универсальные пулеметы «MG-42» тоже не боялись ни холода, ни сырости. Такие пулеметы можно устанавливать где угодно: на танках, автомобилях, мотоциклах... Сейчас они стояли на станках-треногах в угловых башнях замка. Боевые расчеты, скрытые в тени бойниц, давно пристрелялись к местности и обозначили наиболее удобные сектора. Отряд кочевников топтался как раз на линии перекрестного огня.

Разведчикам не суждено было доехать даже до рва. В сотне метров от крепости лошадиное копыто потревожило снежный бугорок. Чуткий взрыватель противопехотной «прыгающей» «Schrappellmine 35» отреагировал незамедлительно. Хлопок – и из не приметной белой кочки подскочил в облачке дыма небольшой цилиндрик. А полсекунды спустя – уже в воздухе, на полутораметровой высоте – прогремел взрыв.

Вздрагнули и люди, и кони. Степняки, остановившиеся на полпути между лесом и замком, невольно отшатнулись назад. Дернувшийся от резкого движения, бунчук на копье сигнальщика еще раз окропил мокрым снегом лицо шрамолицего предводителя.

Двум всадникам впереди пришлось хуже: их осыпало не холодными влажными комьями. Триста шестьдесят пять стальных шариков и осколки корпуса «S. Mi.35» не оставляют никаких шансов в радиусе двадцати пяти метров. И доспехи от такой смертоносной сыпи не защищают. Оба разведчика целиком попали в зону поражения. Нашпигованные металлом с ног до головы всадники рухнули наземь вместе с лошадьми.

Это было только начало.

– Фойер! – пронзительный крик-команда разнесся над обманчиво-сонным замком.

На стены не выскочили воины, из распахнутых ворот не ринулась вражеская конница. Ударили стрелки. Сразу, одновременно. И вовсе не стрелами на излете.

Первую пулю снайпер вогнал точно в шрам предводителя степняков. Тот как раз поворачивал коня к лесу и подставил под выстрел левую – обезображенную половину лица. Вторая пуля пробила шлем и череп растерянного сигнальщика, державшего копье с конским хвостом на древке. Третья настигла самого проворного всадника, уже гнавшего лошадь к спасительным деревьям. Конечно, ни щит, заброшенный за спину, ни чешуйчатый панцирь его не уберегли.

На угловых башенках зарокотали пулеметы. Пулеметчики начали с задних рядов, отсекая остальным кочевникам дорогу обратно. Невидимая, но непроходимая завеса смерти опустилась между лесом и степными воинами.

В воротах тем временем появились автоматчики. Вступил в бой минометный расчет. Укороченный и облегченный – специальная разработка для диверсионных групп – 80-миллиметровый «kz. s. G. W.34». уже посылал через стену с внутреннего замкового двора осколочные «Wgr.38». Мины-гранаты падали с пронзительным свистом. Взрывались, вспучивая снег и землю.

Таков был приказ: не считаясь с расходом боеприпасов, расстреливать всех и вся, кто приближается к замку. Ни потенциальный союзник, ни противник – никто не должен уйти. Слишком велик риск. Слишком опасна преждевременная утечка секретной информации. Утечка может сорвать тщательно проработанный график и повредить миссии.

Это длилось недолго. Интенсивный обстрел прекратился, едва начавшись. Смолкло эхо. И вновь – тишина... И заляпанный кровью снег. И трупы людей и животных. Полсотни человек, полсотни лошадей. Прорваться к лесу не удалось никому.

Теперь оставалось самое неприятное. Добить раненных. Закопать тела. Уничтожить следы боя. Следы расстрела, если уж быть точнее.

Отделение автоматчиков прочесало окрестности. Солдаты быстро нашли и раненых, и небольшой табунчик низкорослых степных лошадок. С ранеными не церемонились. Лишние лошади тоже сейчас были не нужны: негде держать, нечем кормить, некому ухаживать. А приказа экономить боеприпасы по-прежнему не поступало. Короткие автоматные очереди вновь вспороли тишину куявского леса.

Налетевший с Вислы ветер еще раз шевельнул знамя над воротами – тяжелое полотнище с фашистской свастикой. Опять начинался снегопад, облегчавший работу похоронной команде. Замок Взгужевежа – Башня-На-Холме скрылся в густой пелене белых хлопьев.

Глава 1

– Ненавижу!

Деревянная чашка с пустой похлебкой слетела со стола и ударила в закопченную стену. Неаппетитное варево расплескалось в углу. Впрочем, на фоне мха, грибка и бурно разросшейся плесени новое пятно оказалось почти незаметным.

– Ненавижу все это!

Стук дерева о дерева. Сухой треск: сломанная о край стола ложка летит вслед за миской.

– У-у-у! Не-на-ви-жу!

Дочь Лешко Белого – малопольская княжна Агделаида Краковская и законная супруга бывшего омовца, а ныне – польского рыцаря Василия Бурцева изволит гневаться и потрясать кулачками. Знатная дама снова покапризничает. Опостылело все ее высочеству...

– Послушай, Аделаида, – он шагнул к девушке, попытался ее приобнять.

– Не трожь!

Княжна нервно передернула плечами, зыркнула злыми, красными, заплаканными глазами. Сорвалась на визгливый крик:

– Не трожь меня, Вацлав, слышишь?

Он слышал. Кивнул. Отступил на шаг.

В таком состоянии объяснять ей что-либо – себе дороже. У Бурцева было время изучить молодую женушку. Почти год ведь, как обвенчаны монахом-пилигримом из Добжиня. Сейчас самое разумное – переждать истерику. И он ждал, сложив руки на груди и играя желваками.

– Чего смотришь? Нравится тебе княжна в убогой халупе вонючих язычников, да? Нравится?

Бурцев молча отвернулся. Если не подливать масла в огонь, это скоро пройдет. Если не сдержаться и нахамить в ответ – затянется надолго. Проверено!

– Тебе-то что! Сам ведь в рыцари из мужиков выбился. Небось, привычен к такому свинству. И меня приучаешь?

Хрустнули костяшки пальцев. Скрипнули зубы. Несправедливо, блин. И обидно... Отшлепать бы эту дуреху, по примеру пруссаков, учащих своих баб уму-разуму плетью и дрыном. Так ведь нельзя: любовь-с... Рука не поднимется.

Прусский мужик – он-то что... Покупает себе жену, и, раз деньги уплачены, – всю жизнь относится к ней, как к вещи и рабыне. Женщине даже не позволено есть за одним столом с мужчиной. Каждый день она обязана мыть ноги ему и его гостям. А его Аделаида привыкла к более рыцарскому обращению.

Пальцы девушки вдруг коснулись его плеча. Легонько погладили.

– Прости, Вацлав...

Ох, уж эти резкие переходы. Порой ему казалось, будто настроение Аделаиды – самая непостоянная вещь в мире. Но чего там, за то, видать, и полюбилась ему взбалмошная полячка. Ладно, сменила княжна гнев на милость – и то хлеб. Утешениям дан зеленый свет... Теперь можно.

Бурцев сгреб девушку в охапку. Та зарылась лицом в толстую поддоспешную куртку-камбезон, жалобно всхлипнула. Раз, другой, третий...

– Ну, Аделаидка...

– Плохо мне, Вацлав, – причитала она. – До чего же плохо...

Да, хорошего мало. Нервные срывы Аделаиды в последнее время случались все чаще и чаще. Впрочем, от такой жизни и самый толстокожий на стенку ползет. А малопольская княжна – барышня нежная и девчонка-несмышлениш к тому же. Только-только восемнадцать стукнуло. А до семнадцати, до нашествия татар на Польшу, жила себе в княжьем тереме на всем готовеньком, в окружении внимательной прислуги.

С родней, правда, не повезло бедняжке: отец Лешко Белый предательски убит. Матушка – Грымыслава Луцкая и дядюшка Конрад Мазовецкий – врагу не пожелаешь. Сестра Саломея – на чужбине, замужем за венгерским королевичем. Братишка Болеслав в религию с головой ушел, дал даже на пару с малолетней женой Кунигундой Венгерской обет целомудрия. А двоюродный брат Аделаиды – сын Конрада Мазовецкого и князь Куявии Казимир, которого ей так усердно сватали тевтоны да мазовцы, оказался редкостной скотиной. Впрочем, о мертвых плохо отзываться не принято. А незадачливый куявский женишок мертв: под Легницей пал Казимир, и, между прочим, от его, Василя Бурцева руки пал. Единственный человек, которому могла доверять и довериться Аделаида – верный слуга Лешко Белого и опекун княжны краковский воевода Владислав Клеменс. Так ведь тот тоже погиб в стычке с татарами.

Уж не потому ли взбалмошная, привыкшая к роскоши, но при этом одинокая и беззащитная княжна ответила взаимностью случайному спутнику, в котором почувствовала хоть какую-то опору, тепло и заботу. Не сразу, конечно, ответила. Поначалу Бурцеву пришлось здорово помучиться со спесивой девчонкой. Но ничего – как посвятил пан Освальд Добжиньский его в рыцари, так освобожденная из тевтонского плена магнатка а сама бросилась на шею. За простолюдина-то благородная Аделаида выходить не желала ни в какую, а вот за опоясанного рыцаря пошла. Не так, видите ли, зазорно это для знатной дамы.

Он гладил плачущую девушку и вспоминал.

Ну что... Как загородили временными рогатками порушенные ворота Взгужевежи, так сразу же и сыграли свадьбу. Хотя, честно говоря, свадьбой это назвать трудно. Поймали Освальдовы головорезы на дальнем Куявском тракте какого-то убогого странствующего монаха, покрутили перед святым отцом обнаженную сталь. Тот с перепугу и обвенчал молодых. Венчал скоро, на католический манер, даже не удосужившись поинтересоваться вероисповеданием жениха. Но Бурцев не протестовал. Какая, в конце концов, разница. Особой набожностью и религиозностью он не отличался, да и непросто, наверное, в Польше 13-го века найти православного священника. Он хотел только одного. Аделаиду хотел, чего уж там. И получил. Натe, пожалуйста...

Бурцев был счастлив. И Аделаида была счастлива. И все были счастливы. Ох, славные деньки... Неделю гудели в трапезной Освальдового замка. Компания за длинными столами подобралась еще та! Польские полуразбойники-полупартизаны, новгородские дружинники, татарские стрелки и монгольские нукеры, да плюс прусак дядька Адам, да плюс литвин Збыслав... Все славили молодых так, что захваченные тевтонские кони, коим не нашлось места в конюшнях, шугались на замковом дворе.

Следующую неделю народ приходил в себя, а Бурцев с молодой женой не вылезал из постели в предоставленных гостеприимным хозяином покоях. Как они там дорвались друг до друга – любо-дорого вспомнить. До сих пор кровь кипит! Кто бы мог подумать, что молоденькая и неопытная княжна-недотрога может оказаться такой страстной любовницей.

Жаль, праздник быстро закончился. Начались суровые будни. Разведчики пана Освальда доносили, что тевтоны так и не узнали истинной причины гибели Конрада Тюрингского. Магистр даже от ближайших орденских братьев скрывал главную тайну «Башни-на-Холме» – захваченного в плен посла Третьего Рейха. О бегстве главы ордена из Силезии в Взгужевежевский замок тоже никто не догадывался. Потому и смерть самого Конрада осталась тайной.

Из отбитого у крестоносцев фамильного замка Освальд не выпустил ни одного немца. Всех, кто сложил оружие, добжинец попросту вздернул на стенах в отместку за убитого отца. Известить орден о судьбе Конрада оказалось некому, и рыцари германского братства Святой Марии решили, что магистр вместе со всем тевтонским воинством погиб под Легницей.

Да, собственно, и не интересовался никто особенно участью пропавшего Конрада ландграфа Гессенского и Тюрингского. Ландмейстеры, маршалы и комтуры ордена, лишившегося верховного магистра и лучших братьев-рыцарей, думали теперь лишь об одном: как поскорее оправиться после сокрушительного поражения. Кроме того, в братстве уже началась нешуточная, хоть и скрытая пока, борьба за верховную власть.

В общем, забот у тевтонов хватало, так что в ближайшее время своевольной «Башне-на-Холме» ничего не угрожало. Но береженого, как известно, бог бережет. Замок нужно было снабдить припасами и подготовить к обороне. Продукты и фураж люди Освальда добывали, как водится, грабя немецких купцов и продовольственные обозы орденских комтурий. А вот что касается укреплений... Самым уязвимым местом Взгужевежи оставалась взорванная воротная башня.

Густо поставленные оборонительные рогатки и наваленная меж ними баррикада – защита ненадежная, а без опытных каменщиков башню не восстановишь. Потому решено было на первых порах загородить брешь крепким частоколом с узкими воротными створками и перекинуть через ров новый подъемный мост. Работы – уйма, на счету каждая пара рук, и Бурцев целыми днями пахал наравне со всеми.

В свободное время бывший омовонец участвовал в боевых игрищах, брал уроки фехтования у пана Освальда. Ежедневными стали занятия с квинтаной и кольцом, которые он на полном скаку стремился поразить копьем. Не забывал, однако, Бурцев и о привычных тренировках по рукопашному бою. Спарринг-партнером обычно становился оруженосец добжинского рыцаря Збыслав. Крепкокостный косолапый гигант-литвин за счет своей массы, подвижности, нечувствительности к боли и боевой злости вполне мог продержаться пару-тройку раундов против опытного рукопашника. Остальные мешками валились в первые же минуты схватки.

Он честно пытался освоить и стрельбу из лука. Добросовестно выполнял указания и советы Бурангула, но увы... Несмотря на все потуги, этим искусством овладеть в полной мере Бурцев так и не смог. Арбалет еще куда ни шло, но лук... Все-таки трудно было переходить на метательное оружие кочевников после привычного калаша.

Куда лучше давались Бурцеву уроки немецкого. Освальд оказался прекрасным учителем. Да и Аделаида, как выяснилось, «шпрехала» совсем даже неплохо. Что, впрочем, и не мудрено. В свое время судьбой княжны озаботился сам Конрад Тюрингский, и после смерти ее отца, в краковском замке проживало достаточно германцев, обучавших полячку своему языку. Теперь же сама Аделаида от безделья и скуки натаскивала мужа. Когда было соответствующее настроение, разумеется. В этих занятиях дочь Лешко Белого видела хоть какое-то развлечение. Но, в конце концов, прискучили ей и они.

Бурцев уже вполне сносно понимал и разговаривал по-немецки, когда полячка вдруг впала в жуткую депрессию. Затосковала Аделаида под мрачными сводами затерянного в глухих лесах замка, ох, не на шутку затосковала. Взгужевежа казалась ей теперь диким и неудобным местом. Впрочем, наверное, так оно и было – по сравнению с привычным-то пышным и шумным княжеским двором в Кракове.

Молодая женушка стала раздражительной и нервной. И главное, вбила полячка себе в голову, будто Господь ее покарал, будто несчастная-разнесчастная она такая, потому что водится с язычниками-идолопоклонниками да еретиками, исповедующими византийскую ересь. Аделаида Краковская начала сторониться степняков, прусских стрелков дядьки Адама, литвина Збыслава и новгородцев... Даже на мужа-русича частенько бросала косые взгляды. Следить за языком разучилась вовсе. Хорошо хоть народ вокруг подобрался терпеливый, незлобивый и понимающий. На колкие выпады доброй католички соратники Бурцева реагировали спокойно – как на капризы неразумного ребенка. Княжна видела и чувствовала это. И бесилась от того пуще прежнего. И, оставаясь рядом с мужем, отдалялась все больше, все сильнее.

Неприкаянная полячка излазила всю Освальдову вотчину. Однажды в подвале «Башни-на-Холме» выковырнула из щели древней кладки закатившуюся туда «шмайсеровскую» гильзу – память о прошлогоднем визите фашистского хрононавта. Попросила добжиньца сделать из диковинного кусочка металла подвеску на память. Что само по себе обидно: к добжинскому рыцарю ведь побежала княжна – не к мужу.

Освальд просьбу гостыи выполнил. Не без удовольствия. И с панским шиком: хозяин Взгужевежи поручил Збыслову вынуть из своей собственной массивной золотой броши неограниченный самоцвет и вбить в оправу стрелянную гильзу. А затем торжественно – преклонив колена – преподнес подарок девушке.

Бурцев только вздохнул, глядя на новую игрушку жены. Да фиг с ней – с игрушкой. Другое тревожило. Освальд после того случая повадился оказывать Аделаиде подозрительные знаки внимания. Очень подозрительные! Княжна-то приглянулась пану рыцарю еще в силезском лесу, а тут такой соблазн...

Того хуже, что не один добжинец засматривался на чужую супружницу. Бурцев все чаще ловил откровенные взгляды. Ну, а чего он хотел, в самом деле? Полный замок отчаянных мужиков, хрен уж знает сколько времени не видевших баб, и одна-единственная девица среди них. Да какая девица! Красивая, юная, бойкая.

То, что Аделаида – княжеского рода, сейчас мало кого смущало. Ее подчеркнутая холодно-вежливая манера общения с простолюдинами – тоже. Освальдова вольница давно переборола врожденное раболепие перед высшими сословиями и имела свое мнение по поводу статуса «боевых подруг». Даже кое-кто из ватажников-новгородцев начал поглядывать на прекрасную полячку. Скромно пока, украдкой, исподволь, но это пока... Не поддавались искушению только татаро-монгольские бойцы, более привычные к строгой армейской дисциплине ханских туменов. А может быть, у этих ребят просто иные понятия о женской красоте...

Конечно, «братья по оружию» до поры до времени держали себя в руках. Соблюдали приличия, да и побаивались тоже. Не дураки ведь, знали: ежели что, так «пан Вацлав» голову оторвет в два счета. И все остальное тоже поотрывает, на фиг.

Но где гарантия, что кого-нибудь не переклинит рано или поздно? А нет гарантии! Юбка в солдатской казарме – дело такое... Вот закончатся работы по обустройству замка, начнется бездействие и томительное ожидание – тогда держи ухо востро.

Самой княжне повышенное мужское внимание льстило. И, кажется, даже потешало. Ради смеха она иногда отвечала любезностью на чей-нибудь неуклюжий комплимент. Ох, опасная то была игра! Не понимала легкомысленная дочь Лешко Белого, какой пожар способно разжечь в суровом мужском коллективе такое неискреннее благорасположение. Попытки поговорить по душам проваливались одна за другой.

– Не оскорбляй меня ревностью, Вацлав, – с холодком обиды отвечала Аделаида, – повода к ней я пока не давала. Просто развлекаюсь, как могу. А коли ты против – вообще сбегу из этой богом забытой дыры.

Глава 3

– Вацлав, увез бы ты от беды подальше свою хатын кыз[1 - Прим: женщина (татарск)]...

Татарский сотник-юзбаши Бурангул возник у него за спиной, когда Бурцев бродил в одиночестве по смотровой площадке замкового донжона. Шагал туда-сюда. Угрюмо смотрел в ночь. И думал. Об Аделаиде думал.

Помолчали. Муторно было на душе. Никаких бесед вести не хотелось.

– Что так? – не оборачиваясь, спросил, наконец, Бурцев.

– Рознь она сеет. Резня будет большая из-за нее – сердцем чую.

Скрипнула лестница – татарский сотник спустился вниз. Бурангул высказал вслух, что хотел, и деликатно удалился.

Бурцев вздохнул. Прав Бурангулка. Будет ведь резня, как пить дать, будет. Прекрасная полячка становилась яблоком раздора замедленного действия между былыми соратниками. И что с этим делать? Уподобляться Стеньке Разину и швырять красавицу-княжну в воды Вислы он не собирался. А увезти Аделаиду... Дельный, конечно, совет, но куда везти-то, если крестоносцы кругом, да прихвостни тевтонские?

Ответ Бурцев получил на следующий день. Морозным – совсем не по весеннему – утром на замковом дворе к нему подошел десятник Дмитрий. Помялся немного, как всегда мялся перед серьезным разговором, потом начал:

– Тут, Василь, такое дело. Новгородцы меня сказать послали.

– Ну, так сказывай, раз послали.

Бурцев нахмурился. Не хватало ему новых проблем.

– Ты, конечно, воевода наш, – забормотал Дмитрий, – но...

– Да говори же, не тяни.

– Загостились мы на чужбине, Василь, – выпалил десятник. – Пора бы и честь знать. Спаси Бог пана Освальда за приют, но делать нам тут боле нечего. Тевтонским псам бока намяли, магистра ихнего живота лишили. Сами отдохнули, раны залечили. Тебя вот даже поженили. А нынче новгородцы домой хотят – на Русь, пока распутица не началась. Завтра уходить собрались. С тобой, али без тебя. Коли идешь – рады будем. И в Новгороде для такого славного витязя дело всегда найдется. Коли желаешь остаться в замке с молодой женой – воля твоя. Никто попрекнуть не посмеет. Меня тогда други просят воеводство над ними принять. Ты уж прости, Василь, но я тоже идти надумал. В гостях оно хорошо, а дома завсегда лучше.

Бурцев задумался. Раньше-то все больше степняки по дому скучали. Песни свои тоскливые тянули, да поглядывали печально в сторону солнечного восхода. Но эти без приказа никуда не уйдут, своевольничать не привыкли. Новгородцы же люди вольные: как накипело – собрали круг, да шлют к атаману-воеводе посланца: не держи зла, батька, ан пора в путь.

Кручинился, впрочем, Бурцев недолго. Поначалу – да, расстроился, огорчился – жуть. А потом просветлел. Напугал даже Дмитрия широкой – до ушей – улыбкой. А отчего не улыбаться? Все ведь разрешалось само собой! И выходило все, как нельзя лучше. Аделаиду в охапку – и айда из замка вместе с новгородцами на Русь. И ностальгирующих степняков с собой прихватить можно. Новгородцы – те сразу дома окажутся, а кочевникам потом до родных степей через союзные русские княжества добираться сподручнее будет. Да и вместе идти по здешним краям – куда как безопасней.

На том и порешили. Новгородские дружинники радовались, словно дети, узнав, что полюбившийся воевода идет с ними. Бурангуловы стрелки и приданные к татарской сотне нукеры Кхайду-хана тоже выглядели довольными. Да и Аделаида не возражала. Полячку устроила бы сейчас любая смена обстановки.

Легкомысленный флирт с Освальдом и кокетство с его вояками забылись в два счета.

Ни предателем, ни дезертиром Бурцев себя не чувствовал. О чем речь! Пять десятков освальдовых воинов – вполне достаточно для обороны этой небольшой крепостцы. Да еще столько же приبلудного народа. К «Башне-на-холме» с тевтонских земель сбежалось за эти месяцы немало сорвиголов – отчаянных, лихих и непримиримых к немцам. Добжиньский рыцарь с удовольствием принимал таких удальцов в свою ватагу. А русско-татарское войско только даром занимало место и объедало гостеприимного хозяина. В общем, пусть пан Освальд спасибо скажет за то, что уйдут из Взгужевежи лишние рты.

Пан Освальд, выслушав Бурцева, невесело усмехнулся. Истинную причину отъезда добжинец раскусил сразу. Тряхнул длинными усами:

– Правильно надумал, Вацлав. Увози жену поскорее – не искушай ни меня, ни хлопцев моих. А то не ровен час... Не хотелось бы мне скрестить с тобой меч из-за Агделайды. Езжайте с Богом, да не держите зла, коли что не так. Может еще и свидимся. И мой тебе совет – не показывай впредь никому свою супружницу без надобности. Попомни мои слова, такая красота до беды довести может.

Бурцев промолчал. Может, чего уж там... На то она и красота.

– Как на Русь пойдете? – деловито сменил тему разговора Освальд.

Бурцев пожал плечами:

– Напрямую, на восток – чтоб быстрее.

Освальд качнул головой:

– Напрямую нельзя. Самый ближний путь к русским княжествам лежит через Мазовию. Только опасен он слишком. В землях Конрада Мазовецкого тевтонов много, и чувствуют они себя там как дома. А панов мазовецких – и вовсе видимо – не видно. Мало ведь кто из рыцарей Мазовии сражался в Легницкой битве и полег в сече. Для вас же они сейчас даже похуже немцев будут. Особенно для тебя и Агделайды твоей. Коли схватят – беда. Убийство отпрыска своего –

куявского князя Казимира старик Конрад Мазовецкий не простит. Не дойти вам до Руси через его земли – перебьют всех. А не перебьют – так в лесах и болотах сгинете без толкового проводника. Ни мне ведь, ни людям моим тайные пути через Мазовию к русским границам не ведомы.

– Что посоветуешь, пан Освальд?

– В обход вам идти надо – через Пруссию и Литву. Выйдете так хоть к Полоцкому, хоть к Владимиро-Волынскому княжеству, а хоть бы и к Новгородским землям. Прусы и литвины с крестоносцами не первый год воюют и ненавидят их лютой ненавистью, так что вас обижать не станут.

– А там дорогу кто нам укажет?

– Дядька Адам со своими ребятами и Збыслав. Много они в тех краях путей исходили, много тропинок знают – и тайных, и явных.

А ведь и правда! Дядька Адам – родом из прусской глухомани. Збыслав – литвин. Оба вели партизанскую войну против ордена, так что лучших проводников, пожалуй, и не сыскать.

Глава 4

...Ушли наутро – по-над границей с Мазовией – напрямик в заснеженные прусские леса и незамерзающие даже в лютую стужу болота. Шли долго, трудно, с короткими привалами. Аделаида, утомленная дорожными тяготами, снова сердито бурчала. Теперь княжна сокрушалась, что оставила гостеприимный замок Освальда. Заодно поносила и гиблую Пруссию, и дикие племена язычников, обитающие здесь.

За отрядом следили, – об этом свидетельствовал утоптаный снег возле ночных стоянок. Но неведомые лесные наблюдатели – тьфу-тьфу – агрессии пока не проявляли. Угрюмый дядька Адам в неизменном волчьем тулупчике вел русско-татаро-монгольскую дружину уверенно и споро. Бурцев надеялся проскочить земли полудиких пруссов в считанные дни. Потом – перебраться через Неман на

литовскую территорию, а уж там очередь Збыслава указывать им дорогу. И считай, половина пути – позади.

Размечтался... Ни он сам, ни чуткий Бурангул, ни Дмитрий, ни даже дядька Адам не смогли вовремя распознать опасность. А больше в передовом дозоре сейчас никого и не было.

Вооруженные дубинками, рогатинами, топорами, легкими сулицами и ножами, замотанные в звериные шкуры и худющие как смерть люди выступили из-за деревьев, поднялись из снежных схронов-сугробов. Пруссы с лопатообразными бородами на полрожи возникли одновременно отовсюду – тихо и неожиданно, словно лесные духи. Умело окружили, не проронив ни звука, сомкнули кольцо... Обычная партизанская тактика: вырезать вражеский отряд и раствориться в лесу до подхода основных сил. Были бы у ребят лучники, все уже закончилось бы. Или лучники есть, но бородатые мужики рассчитывают взять пленных? И ведь возьмут же!

Небольшой дозор, неосмотрительно оторвавшийся от дружины и слишком далеко углубившийся в лес, угодил в ловушку. Помощь по глубокому снегу теперь подоспеет не скоро, а драться вчетвером с подступающей толпой –дохлый номер.

Только неожиданные выкрики дядьки Адама на незнакомом, но явно со славянскими корнями языке уберегли их от немедленного нападения. Пруссы остановились в замешательстве. Дядька Адам выступил вперед. Перекинувшись с лесными людьми несколькими фразами, он вернулся мрачнее тучи.

– Дальше ходу нет, пан Вацлав. Все пути перекрыты тевтонами, а у Наревских болот крестоносцы поставили новый замок.

– Как так, ходу нет?! Хотя бы какая-то дорога должна же быть!

– Дорога? – усмехнулся прусс. – В этих местах лишь одна дорога – орденская, та, что соединяет Наревский замок с Хельминской комтурией. А на лесных тропах вокруг замка стоят немецкие дозоры. Приблизимся – дозоры поднимут тревогу. Из замка выйдет подмога. И нам ее не одолеть. У наревского комтура слишком много рыцарей и кнехтов.

- И что, обойти немцев никак нельзя?

- Нельзя, - отрезал дядька Адам. - Справа болота, по которым даже местные старожилы ходит не рискуют...

- А слева?

Дядька Адам недовольно шевельнул кустистыми бровями:

- Священный лес слева - обитель наших главных богов. Наипервейшего в этом мире отца Окопирмса и трех его сыновей: чернобородого молниевержца Перкуно, юного, дарующего жизнь, молодость и животворящие источники Потримпо и повелителя старости и смерти седовласого Патолло. Люди, которых ты видишь - охраняют подступы к этому лесу.

- Они что же, прямо здесь и живут?

- Нет, они живут неподалеку. Есть тут лесной поселок. Вотчина и последнее убежище знатного прусского кунинга Глянды.

Дядька Адам вздохнул:

- Когда-то род Глянды ни в чем не уступал прославленным Видам Вармийским, Склодо Самбийским и Монте Натангийским[2 - Прим: влиятельные кланы прусской знати в 13 веке] Теперь же его остатки ютятся у границ Священного леса. В селении Глянды ищут спасения беженцы из окрестных земель, захваченных тевтонами. У общины теперь осталась одна надежда: вымолить помощь у богов леса. А потому за свою священную рощу они любому перегрызут глотку.

- Так что же, нас хотели перебить из-за ваших богов?

- Если б хотели - перебили бы, - хмуро ответил пожилой лучник. - Нас приняли за немецких наймитов и намеревались взять живыми.

- Зачем? Ради выкупа?

- Нет. Мой народ не торгуется с крестоносцами. А вот богам моего народа угодны жертвы.

- Человеческие? - нахмурился Бурцев.

- А какие же еще? Жертву обычно приносят возле молельни или в самом сердце заветного леса - под древним старым дубом, в круге Камней Смерти. Мы едва не попали на жертвенный огонь. И большая удача, что копыта наших коней еще не переступили священной границы.

- Шутишь, дядька Адам?

- Какие тут могут быть шутки?! Я - прусс, и я могу войти в Священный лес, если не стану рубить деревья, ловить рыбу и бить зверя. Но иноверцам туда путь заказан. Иноверцы оскверняют наши святилища одним лишь своим присутствием.

Вот ведь елки-палки! Бурцев потрянул головой. Некстати, совсем некстати им сейчас это прусское друидство! Но не отказываться же от дальнейшего пути из-за мракобесия язычников... Глупо это.

- Послушай, дядька Адам, а если мы все же быстренько и незаметно войдем в лес, если будем вести себя там тише воды, ниже травы, если не потревожим ни одного священного кустика... Обхитрить ведь эту лесную стражу можно?

- Ты не понимаешь, пан Вацлав, - спокойно ответил лучник в волчьей шкуре. - Если вы войдете в лес, то живыми оттуда уже не выйдете.

- Боги покарают? - Бурцев скептически усмехнулся.

- Может быть, боги и пропустили бы вас, но оберегающие их покой служители Священного леса жрецы-вайделоты во главе с Кривайто не знают пощады.

- Что за Кривайто такой? Дух, что ли?

- Верховный жрец, хранитель каменного Круга Смерти и Священного Дуба.

– Человек значит? Из плоти и крови?

– Дядька Адам пожал плечами:

– Бывший Кривайто этого леса был человеком. Кем является нынешний, сказать трудно. Люди Глянды утверждают, что это могущественный карлик-барздук[3 - Прим: барздуки, именовавшиеся также маркополями – низкорослые существа, которые, согласно прусским легендам, могли жить как среди людей, так и среди духов] – порождение мира духов и мира людей. Он говорит на неведомом древнем наречии и обладает нечеловеческой силой. Говорят, барздука отбили у крестоносцев. Тевтонский рыцарь со своей свитой вез его в прочной клетке, подобно опасному дикому зверю в подарок своему комтуру.

– Вот даже как?!

– Вайделоты намеревались принести барздука в жертву. Но когда его привели в Священный лес и хотели умертвить, он вырвал священный посох у Кривайто и дрался в Круге Смерти с яростью древних героев. Тогда пострадали многие жрецы. Сам Кривайто лишился глаза и едва остался жив. Вайделоты сочли это знаком богов. Старый Кривайто стал обычным жрецом. Новым Кривайто стал барздук.

Глава 5

«Бред какой-то! – думал Бурцев. – Бабушкины сказки!».

– И ты считаешь, этот карлик Кривайто завалит всю нашу дружину своим посохом?

– Под его началом много вайделотов, пан Вацлав. И в их руках священное дерево обретает невиданную силу. К тому же жрецы хорошо знают свой лес. Они могут оказаться рядом так же внезапно, как люди Глянды, остановившие нас.

– Хм... А ваши вайделоты, действительно, такие уж кровожадные?

– Ты слышал когда-нибудь о миссионере Войцехе Пражском, коего сторонники римской веры почитают также святым мучеником Адальбертом?

– Нет. А что с этим миссионером?

– Он не внял добрым предупреждениям. Потрясая крестом, Войцех вошел в наше святилище.

– И?

– Жрецы-вайделоты убили его. Убили жестоко. Войцеха принесли в жертву в Священном лесу. Сожгли заживо.

Зловещий тон дядьки Адама заставил Бурцева содрогнуться.

Не стоит, пожалуй, рассказывать Аделаиде о зверствах прусских жрецов. Она и так недолюбливает язычников. «Скажу, что в Священном лесу водится нечисть,» – решил Бурцев. – Авось, этого хватит, чтобы отпугнуть княжну от опасных прогулок.

– Но жертва не помогла, – продолжал свой мрачный рассказ прусский лучник. – Оскверненный христианином Войцехом лес перестал быть священным. Потревоженным богам, которым мы поклоняемся испокон веков, пришлось искать себе новое жилище.[4 - Прим: история с первым христианским миссионером в Пруссии св. Адальбертом произошла в конце 10 века. Христианин нарушил границу Священного леса Кунтер и могильника Ирзекапинис, известного, как «могила гребцов» и был убит.] Так рассказывали старики.

Дядька Адам помолчал несколько секунд. Потом заглянул в глаза Бурцеву, словно раздумывая, стоит ли доверять собеседнику сокровенную тайну. И, наконец, заговорил снова – негромко и неохотно:

– Укромные лесные уголки – небесконечны, пан Вацлав. И если каждый раз нога неразумного иноверца будет топтать Священные чащи, их не останется вовсе. Тогда наши боги окончательно покинут нас. Теперь ты понимаешь, почему мы так усердно оберегаем заветные границы и караем смертью святотатцев?

Бурцев кивнул. Отчего не понять? Старую как мир истину о своем уставе и чужом монастыре он усвоил давно. Но как же тогда...

- И как нам быть, дядька Адам? Впереди тевтоны, справа - болота, слева - заповедный лес. Что же теперь, назад возвращаться?

- Можно вернуться. А можно и здесь выждать. Сейчас в Наревском замке полно немцев, а вокруг разъезды шастают - мышь не проскочит. Но скоро все изменится.

- Что именно?

- Люди Глянды недавно перехватили немецкого гонца и кое-что выяснили. Комтуры и знатные орденские братья собираются в Кульмском замке. Там объявлены турниры, на которые приглашены иноземные рыцари.

Турниры? Хм, неплохой способ для ослабевшего ордена привлечь под свои знамена жадных до славы вояк...

- Там же будет провозглашен новый Верховный магистр германского братства Святой Марии, - продолжал лучник.

- Но нам-то с того какая польза, дядька Адам?

- А такая, пан Вацлав... Дороги для немцев здесь небезопасны, значит, местный комтур возьмет с собой большую часть своих рыцарей. В замке останется лишь малый гарнизон, а он воспрепятствовать нам уже не сможет. Стрелами не засыплет, заслон не поставит, погоню не вышлет. Путь через Наревские болота будет свободен. Ну, а до тех пор люди Глянды предлагают нам свое гостеприимство.

Дядька Адам кивнул на пруссов. Мужики из лесной засады уже не выглядели столь воинственно, как прежде. Оружие попрятано, в густых бородах появились широкие провалы щербатых улыбок. Гостеприимство, значит?

- Это хорошая идея? - на всякий случай уточнил Бурцев.

Лучник пожал плечами:

- Глянде сейчас нужен сильный союзник для охраны поселения от тевтонов. Так что по первоначальному нам помогут и кровом, и пищей. Но при одном условии: вы не должны присутствовать на наших обрядах и входить в Священный лес.

- Да ведь тут же кругом леса, дядька Адам! Кто ж их разберет, где священный, а где нет?

- Священный лес начинается там - на северном взгорье. Не ошибешься, пан Вацлав, - у его границ стоят две высеченные из камня фигуры. Это Брутен и Видевут - древние и славнейшие вожди моего народа. Герои прошлого защищают заповедный лес от чужих богов, а людей берегут от козней злого лесного духа Курхе. Главное для вас - не заходить за эти камни - тогда и беды не стряется.

- Ладно, - кивнул Бурцев. - Остаемся.

Предложение пруссов он принял. А что оставалось? Не везти же Аделаиду обратно в Взгужежеву под крылышко пана Освальда? Обманывать чаяния соратников, рвущихся на родину, тоже не хотелось. Значит, нужно ждать подходящего момента, а, дождавшись, прорываться мимо Наревского замка.

Глава 6

Логово кунинга Глянды укрывали от посторонних глаз непролазные буреломы. Надежно укрывали: ни звука, ни движения, не даже слабенького дымка Бурцев не заметил, пока они не подъехали к поселению пруссов почти вплотную.

Немаленькое, но бедное и убогое лесное городище окружал крепенький тын из заостренных кольев. Узкая - едва-едва протиснутся телега или сани - калитка вела внутрь. На огороженной территории - несколько десятков хижин, поставленных на скорую руку, да кое-как отрытые к холодам землянки. В центре селения, на небольшом возвышении, стояли пара сараюшек для исхудавшей скотины, длинный навес для лошадей и два более основательных строения.

Первое – вросшее в землю просторное языческое капище под плоской крышей. Второе – чуть поодаль – прямоугольный, крытый дерном дом вождя-кунинга. Обе постройки возводились просто: на кладку из камней ставился прямоугольный деревянный каркас. Стены и потолок – из жердей, щели законопачены глиной. Такая мазанка плохо сохраняла тепло, зато большой круглый очаг из булыжников позволял сжигать целые бревна. В качестве дымохода использовалась прореха в крыше или открытая дверь.

Собственно, городище Глянды и поселением-то назвать было трудно. Так... временный беженский приют в глухомани. Тевтоны в такие гиблые места не совались. Германскому братству Святой Марии требовались земли получше, побогаче, или выгодные со стратегической точки зрения. Вот там-то и ставили крестоносцы свои замки, соединяя их торными путями, годными для скорого передвижения крупных отрядов.

Когда-то, судя по словам дядьки Адама, у прусских вождей тоже были собственные замки – деревянные и поплоче, конечно, тевтонских, но все же... И поля были тучные, добрые, в плодородных, свободных от леса равнинах. И луга были, где паслись бесчисленные табуны лошадей, коих пруссы всегда ценили и почитали. И удобные выходы к Варяжскому морю, как именовали здесь Балтику, тоже были. И боги бескрайних холодных вод Аутримпо, Потримпо и древний Тримпо вместе с бородатым покровителем мореплавателей Бардойтом благоволили пруссам. И владыка земли Пушкайто, и бог богатства Пильвисто...

Увы, с появлением на землях Пруссии хорошо вооруженных и организованных крестоносцев те счастливые времена безвозвратно канули в лету. Жалкие остатки пемеденов, вармцев, нотангцев, бартцев и прочих прусских племен – обескровленные, вымирающие, едва спасшиеся от поголовного истребления и избежавшие принудительного онемечивания, прятались нынче в таких вот лесных общинных схронах, где никогда не будет человеку привольного житья и где вынужден он таиться, подобно загнанному облавой зверю.

Лагерь производил гнетущие впечатление. Он словно пропах, пропитался насквозь нищетой, отчаянием и унынием. Едва въехав в узкие ворота, Бурцев наткнулся на развалившиеся сани с нехитрым скарбом. Тощая кляча уже распряжена, но еле держится на ногах. Новые, видать, беженцы: только-только прибыли. Еще одну семью придется куда-то определять кунингу Глянде. Семью неполную: мужика не видать. Зато из-под рваного одеяла высовывается худющий пацаненок лет пяти. Обсасывает мокрый снежок вперемежку с грязью,

пытаясь хоть как-то унять голод, смотрит вокруг выпрашивающим взглядом. Точнее, смотрел... Только что смотрел, а в следующую секунду ребенка вдруг накрыла черным одеялом и уволокла куда-то на дно саней тонкая как спичка материнская рука – не высовывайся, дитяtko, – дольше проживешь. Бледное лицо женщины мелькнуло над тележным бортом и тоже скрылось в груди барахла. Исхудавшее лицо так похожее на череп вездесущей старухи с косой...

Из-под одеяла слышалось жалобное хныканье. Потом жадный чмокающий звук. Неужели дите еще надеется на спасительную материнскую грудь? Неужели высохшая, высосанная донельзя мать еще рассчитывает дать ребенку хоть каплю молока?

В поселке бедовали, в основном, бабы, дети, да старики. Много было раненых, калечных и больных. Здоровых мужиков – раз, два и обчелся. Да и те – не ратники, а озлобленные и вооруженные чем бог послал крестьяне. Лишь при доме Глянды оставалось еще с пяток дружинников. Остальные – умелые партизаны, но не более того. На все это мужицкое войско – пара – тройка железных шлемов, несколько самодельных щитов, да ржавый меч. Ни хороших луков, ни арбалетов. Захудалая кольчужка или хотя бы кожаный панцирь тут – запредельная роскошь. Неудивительно, что пришлых воинов с такой готовностью пускали на постой. Хотя постой – это, конечно, громко сказано.

В выделенных хозяевами землянках и халупах поместилась бы лишь часть отряда. И то – если хорошенько потесниться. Бурцева и Аделаиду, правда, поселили вдвоем – в доме погибшего дружинника Глянды. Что ж, какие-никакие стены вокруг и крыша над головой, маленький столик с лавчонкой и узкая лежанка в углу, очаг на земляном полу и дверь, которую можно открыть, а можно и запереть в любую минуту – это все-таки лучше, чем ничего.

Аделаида, впрочем, так не считала. Полячке хотелось условий получше.

– Воевода ты или нет?! – рвала и метала раздраженная супруга – А я – княжна или нет?! Эта лачуга не для меня!

Чтобы прекратить никчемный спор, Бурцев молча вышел из дома и подпер дверь снаружи хорошим чурбачком. Пусть перебесится княжна, лишь бы не мешала. Дел еще было много: следовало разместить воинов.

Его ратникам досталось несколько грязных земляных нор и продуваемых сквозняками полусараев-полушалашей. Адамовы лучники решили обживать убогие жилища вместе с беженцами. Прочие бойцы предпочли расположиться где попросторнее и почище – за частоколом, в походных шатрах и палатках степняков. Недовольства никто не высказывал. Видно ведь: пруссы и сами теснились по несколько семей под одной крышей – жили чуть ли не друг у друга на головах.

Лесные поселяне быстро протоптали дорожку к стану союзников. Пруссы ходили в гости целыми семьями, цокали языками, ошупывали теплые шкуры, грелись у костров. Удивительно, но воины южных степей быстро нашли общий язык с бородатыми северянами. И те, и другие при помощи жестов и междометий с удовольствием обсуждали достоинства лошадей и цедили кислый кумыс. Вот так и обнаруживается общность национальных характеров...

Единственным человеком, которого раздражала подобная дружба народов, была Аделаида. Еще в замке Освальда она не шибко-то ладила с язычниками и неоднократно ставила Бурцева в неловкое положение перед союзниками. Но кочевникам княжна хотя бы была обязана: те, как-никак, приняли деятельное участие в освобождении Аделаиды из цепких лап интригана-сводника Конрада Тюрингского. Благородная натура полячки не позволяла забыть об этой услуге. Тяготясь вынужденной благодарностью, дочь Лешко Белого все же проявляла минимум снисходительности к степным идолопоклонникам. А вот пруссы Глянды попросту приводили ее в бешенство.

– Эти дикари во стократ хуже татарского Измайлова племени, – шепнула, кривясь, Аделаида на пиру, устроенном кунингом в честь гостей. – У них даже князя живут, как свиньи в хлеву. И жрут-пьют так же...

К счастью, никто, кроме мужа, не расслышал обидных слов.

Бурцев с женой и ближайшими соратниками сидели на почетном месте за небогатым... да чего уж там – откровенно бедным столом прусского князька с забавным именем Глянда. Раньше – до прихода крестоносцев – он властвовал над всеми окрестными землями. Сейчас же кунинг был изранен, стар, болен и слаб. По сути, бедняга уже стоял одной ногой в могиле.

Но больше всего вождя пруссов печалило, что в мертвое царство Патолло он отправится, не оставив после себя наследника. Все три сына Глянды пали в боях с тевтонами. А сам старый кунинг с посеченными сталью и временем дружинниками, верными слугами, одряхлевшими женами и немногими домочадцами доживал свой век в глухомани у границ, Священного леса.

Глянда поставил свой лагерь для приюта беженцев и редких партизанских вылазок. Со временем, однако, вылазки прекратились вовсе, а несчастных беженцев, искавших защиты у древних богов, стало гораздо больше, чем воинов.

Глянда чуял скорый конец – свой, своего рода и своего племени, но это не помешало ему устроить пир в честь гостей. А может, наоборот, именно поэтому и пировали сейчас пруссы так отчаянно и бесшабашно.

Хотя какой там пир в тайном беженском убежище?! Даже знатный кунинг сейчас не в состоянии пировать по-настоящему. Пруссы за небогатым столом просто молча накачивались отвратительнейшей брагой и кислым кобыльим молоком. В багровых факельных бликах и в свете огромного круглого очага мрачная трапеза выглядело особенно зловеще.

Откровенно говоря, у Аделаиды имелись причины морщить носик. Эта дикая, полная злой дури попойка, действительно, была ужасной. Хмурые пруссы – жалкие остатки некогда знатного и могущественного, а ныне безжалостно истребленного крестоносцами рода – словно заранее вершили тризну по самим себе. Пьянели они быстро, но от утраты трезвости не было никакой радости. Невеселые думы становились все тяжелее и тяжелее. Заросшие взлохмаченные головы клонились к столу все ниже и ниже.

Вдрызг упивались все, кто присутствовал в доме кунинга: мужчины, прислуживавшие им женщины, вертевшиеся вокруг дети, слуги... Одряхлевший пес Глянды – и тот, нализавшись хмельного пойла вперемежку со скисшим молоком, свалился где-то в углу. А хуже всего, что гостям подносили ровно столько, сколько пили сами хозяева. Таков местный обычай: позор тому, кто, опьянев до потери сознания, выпустит из дома гостя, способного уйти на своих двоих.

Глава 7

– Варвары, язычники... – гневно шипела княжна.

Сама она к прусскому питью не притронулась ни разу и с ненавистью наблюдала, как супруг через силу делает глоток за глотком. Но как объяснить белой от злости Аделаиде законы прусского гостеприимства? Ну если здесь просто принято таким незамысловатым образом оказывать почтение дорогим гостям. Выложить и выставить на стол все, что есть в закромах. Не съешь, не выпьешь предложенного – обидишь хозяев. Обидишь хозяев – обретешь еще одного врага в этих и без того неприветливых краях. А оно им надо? Тем более, что враждуют здесь упорно, настырно. Может быть, именно поэтому и не смогли разрозненные прусские племена сообща дать отпор тевтонам, когда еще была такая возможность. Вот и пирушки у них теперь тоскливые – пирушки несломленного, озлобленного, но обреченного уже народа. Народа, осознающего горечь неизбежного поражения. Народа, которому остается уповать лишь на пеньки Священного леса.

– Аделаида, милая, не зли хозяев, – сквозь зубы увещевал Бурцев. – Пригуби хотя бы, сделай вид, что пьешь, и не болтай лишку.

Бурангул уже лежал головой на столе. Дмитрий тоже был на грани. Сильно покачивался дядька Адам. Збыслав пока держался. Похоже, из последних сил. Бурцев, чей организм был закален более крепкими напитками, оказался сейчас трезвее всех. Не считая Аделаиды, конечно.

– Почему твоя женщина не пьет то, что предложено от чистого сердца, друг Вацлав? – на чудном польско-немецком наречии обратился к нему Глянда. – Ведь мы потчиваем вас достойным угощением. Молоко наших кобылиц – это напиток знати.[5 - Прим.: В прусских племенах, действительно, царил культ лошадей, а потому знатные пруссы предпочитали кумыс из молока кобылиц всем другим напиткам. По данным некоторых исследователей, само слово «прусс» родственно слову «конь», «лошадь». Не исключено, что употребление кумыса могло восприниматься, как ритуальный акт, сближающий всадника и лошадь]

Глянда был пьян и красен.

– А я не хочу пить эту гадость! – огрызнулась княжна по-польски. Бросила слова дерзко, с вызовом и яростной дрожью в голосе.

Е-пс! Бурцев напрягся. Снова истерика? Только этого ему сейчас не хватало. Ну, надо же, в какой неподходящий момент накрывает Аделаиду!

– Я не хочу сидеть за этим столом! – девушка за малым не рычала. – Не хочу прятаться в этой дыре!

Кунинг удивился. Потом нахмурился.

– Почему эта женщина говорит раньше и громче мужа? Разве ты не покупал ее и не являешься хозяином своей жены, друг Вацлав?

Ну вот... Начинается пьяный базар!

– Оставь ее, Глянда. Ей нездоровится.

– Я просто не хочу, – не унималась своенравная дочь Лешко Белого. – И я вовсе не вещь и не холопка какая-нибудь, чтоб меня покупали!

Кто-то из пьяных пруссов привстал, придерживаясь за край стола. Кто-то потянулся за оружием. Наверное, слова неблагодарной гостьи сочли оскорбительными. А не разобрали слов – так тон. Вот, блин, неужели без пьяной драки не обойтись? Если девчонка не прикусит язычок, если выскажет сгоряча все, что думает о прусских язычниках и их обычаях, точно начнется резня.

– Аделаида, помолчи, ради Бога, – шикнул Бурцев.

Глянда поднялся. Тяжело поднялся, с трудом. Угрожающе навис над столом. Слова Аделаиды кунинг проигнорировал. Обращался он сейчас к Бурцеву:

– Нездоровится, значит? Что ж, меня тоже покинуло здоровье. Со дня на день мой дух склонится перед повелителем царства смерти седовласым Патолло.

– Да этот ваш Патолло!..

Глянда грохнул кулаком об стол. Подскочил и непонимающе захлопал узкими пьяными глазками Бурангул. Аделаида проглотила недоговоренную фразу, запунцовела от гнева: редко ее высочество перебивали подобным образом.

Кунинг продолжал. Теперь он глядел на княжну. Сверху вниз.

– Да, я скоро умру, но, согласно нашему древнему обычаю, я все же чествую своих гостей, как полагается. И ожидаю того же от них. Выпитое идет мне лишь на благо. Пойдет и тебе, дерзкая женщина. Пей, иначе предстанешь перед судом нашего великого барздука-Кривайто!

Полячка открыла рот, чтобы ответить. Как водится – бросить колкость прежде, чем обдумать последствия. И – начнется. Бурцев уже привстал, загоразивая жену. Но...

Но кунинг Глянда ошибся. Сегодня выпитое не пошло ему впрок.

Прусский вожак захрипел. Рухнул, опрокидывая стол. Забился в судороге. Беднягу крутило и корчило под лавкой. Началась рвота. Из рта Глянды пошла пена. Носом хлынула кровь. Намечавшаяся ссора вмиг позабылась. Все, кто еще был способен соображать и двигаться, бросились к хозяину. Бурцев – в числе первых. Поздно... предсмертная агония кончилась. Кунинг затих.

– Все! – дядька Адам поднял нетрезвые глаза, полные глухой тоски. – Достоянейшего Глянду хватил удар. Долго точила старика немощь, давно Патолло звал его к себе – с тех самых пор, как кунинг потерял последнего сына. И вот призвал-таки седовласый хозяин. Плохие, ох плохие времена настали для прусских вождей.

Где-то рядом взывала пьяным голосом женщина. Запричитала другая. Заревел ребенок.

– Пойдем-ка отсюда!

Бурцев под руку вывел ошалевшую Аделаиду на улицу. Оттащил подальше – пока девчонка опять чего не лягнула. В сторонке резко развернул жену лицом к себе. Надутые губки, наивные глазки... Прямо агнец невинный.

– Аделаида, впредь постарайся быть осторожней, – четко произнес он. – Не нужно обижать понапрасну людей, давших нам приют.

Полячка хмыкнула, дернула головкой:

– А тебе что, эти вонючие пьяные прусские свиньи милее, чем я?!

– Нет. Мне милее ты. Потому и прошу: не нарывайся. Я за тебя боюсь. Послушай, что я тебе скажу...

Он очень старался отчитать любимую женщину сурово и жестко. Получалось. Но лишь до тех пор, пока в глазах супруги не заблестели слезы. Беспрониимая защитная реакция: Аделаида плакала. Ну что ты будешь делать! Дитя-дитем. И не поймешь даже, вняла ли она его словам, проигнорировала ли... Бурцев вздохнул. Обнял. Повел всхлипывающую супругу прочь от дома кунинга.

Глава 8

Княжна спала безмятежным сном. Он не сомкнул глаз. Бодрствовал всю ночь. Если пруссам вздумается обвинить в смерти кунинга Аделаиду, нужно быть во всеоружии.

К счастью, обошлось. После вчерашней попойки никто не вспоминал о ссоре с чужаками. Подготовка к погребальному обряду, соответствующему статусу Глянды, – вот что заботило сейчас пруссов больше всего.

Похоронили Глянду не сразу. Весь день труп пролежал в своем холодном доме с потушенным очагом. На том самом столе, за которым умер прошлой ночью. А вокруг сидели, кутаясь в шкуры, верные воины и слуги мертвого господина и справляли молчаливую тризну.

На следующий день Глянда лежал там же, подобно замерзшему мясу, добытому впрок на зимней охоте. И тризна продолжалась. И два дня спустя тоже... Как объяснил дядька Адам, мертвые вожди прусских племен могут лежать так неделями и даже месяцами.

– Только у людей Глянды сейчас не хватит надолго запасов хмельного кумыса и браги, – вздохнул пожилой лучник, – поэтому вряд ли кунинга продержат без погребения больше одной седмицы.

Аделаида выслушала эти слова с ужасом и торопливо перекрестилась.

– Варвары... Язычники... – долго еще шептали побледневшие губы княжны. Выходить на улицу одна она боялась. Остаться в одиночестве – тоже. Спала плохо, не давая отдохнуть и Бурцеву. Всюду мнительной полячке мерещился неприкаянный дух языческого кунинга. И черти, гоняющиеся за грешной душой. Так продолжалось до дня похорон.

Присутствовать на погребении позволили только дядьке Адаму и его стрелкам. Гостей-иноверцев пруссы попросили переждать траурную церемонию за закрытыми дверями и опущенными пологам шатров, дабы невольно не осквернить таинство перехода в иной мир.

И вот Аделаида снова бесновалась. Для таких, как она, домашний арест – хуже смерти. Хоть в замке Освальда, хоть в прусской хижине. Сейчас капризной девчонке был не мил весь белый свет. Истерика следовала за истерикой и слезам конца-краю не видно. Бурцев отмалчивался, да время от времени оттаскивал жену от двери. Вообще-то, судя по затихшим воплям и рыданиям, погребальная процессия пруссов уже прошла по селению и скрылась в лесу. Но лучше было не рисковать. Переждать лучше.

Дядька Адам зашел к ним под вечер. Уставший, измученный. Волчий полушубок на лучнике пропах дымом. Кое-где в меху виднелись свежие подпалины. Пожилой прусс скупно рассказал, как было дело:

– Служители Патолло тулиссоны и лигашоны[б - Прим: прусские священнослужители, специализирующиеся на похоронных обрядах] сложили в Круге Смерти возле Священного дуба погребальный костер. Глянду сожгли так, как завещали предки: не оставив целой ни единой косточки. Сожгли со всем оружием, лошадьми, собаками, женами, слугами, частью имущества.

Аделаида ахнула:

– Какое варварство!

Дядька Адам смерил ее холодным взглядом и продолжил:

– Мудрым жрецам, связанным с миром мертвых, дано видеть то, что недоступно живым. И сегодня, подняв очи к небу, они смогли разглядеть в клубах дыма Глянду, сидящего на коне и при оружии. Кунинга сопровождала большая свита. И то были не только его жены и слуги. Тени мертвых предков вышли к нему навстречу.

– Вранье! – твердо заявила дочь Аделаида. – Или дьявольское наваждение.

В этот раз дядька Адам даже не счел нужным посмотреть на княжну.

– Треть от всего имущества Глянды, как и положено, оставили в Священном лесу. Вайделоты должны принести жертву богам.

– Треть?! – снова не сдержалась княжна. – В жертву?! Вы ублажаете своих идолов, когда самим нечего есть!

– А-де-ла-и-да! – процедил Бурцев.

– Если боги останутся довольны, доблестного Глянду в царстве мертвых ждет хороший прием, – сухо заметил прусс. – Одна из семнадцати сокровенных заповедей Видевута гласит: «Мы должны почитать и бояться наших богов, ибо они одарили нас в этой жизни прекрасными женщинами, многочисленным потомством, вкусной едой и питьем, утоляющим жажду. Они же дают нам летом белые одежды, спасающие от зноя, а зимой – теплые меха, оберегающие тело от мороза. И только по милости богов мы спим на мягких ложах, а не на голой земле».

– Но треть?! Это ведь даже не церковная десятина...

– Жертвы нужны, чтобы боги не только благосклонно принимали мертвых, но и сменили, наконец, гнев на милость по отношению к живым. Уж слишком много бед и несчастий обрушилось в на мой народ с приходом в эти земли тевтонских рыцарей.

– А может быть, это кара Господня?! – криво усмехнулась полячка. – За ваше неразумие, упрямое нежелание принимать истинную веру и ведьмаковские шабаши вокруг идолов?!

– Слушай, уймись, а? – одернул супругу Бурцев.

Тоже, блин, миссионерка нашлась...

Дядька Адам устало прикрыл глаза, глубоко вздохнул, но ответил спокойно:

– Если зло, чинимое рыцарями с крестами на плащах, считать карой небес, то, значит, и тебя, Агделаида Краковская, покарал твой распятый бог. Ты ведь тоже не видела добра от воинов германского братства Святой Марии?

Аделаида обиженно засопела. Бурцеву даже стало жаль жену.

– Ваши тайные обряды уже закончились? – спросил он. Просто, чтобы хоть о чем-то спросить. – Завтра мы можем свободно передвигаться по селению?

Дядька Адам кивнул.

– Завтра – можете. Утром начнется дележ оставшегося после жертвоприношений имущества Глянды. Кунинг умер, не осчастливив свой род наследником. Поэтому теперь любой из членов общины может претендовать на добро своего господина. Это справедливо. И это дело людей, а не богов, так что чужеверцам не воспрещается наблюдать за дележом...

– Вот спасибо! – язвительно заметила княжна. – Наша благодарность не знает границ.

– Но следующей ночью вам не стоит гулять по поселку, – сухо закончил прусс. – Лучше будет, если вы переночуете с русичами и татарами за частоколом.

– А что будет ночью? – спросил Бурцев.

Поздно спросил: дядька Адам уже прикрыл за собой дверь.

Глава 9

Странная то была дележка. Меньше всего они ожидал увидеть такое.

Бурцев, Аделаида, Дмитрий, Бурангул, Збыслав и дядька Адам стояли на внутренней насыпи оборонительного тына. Кочевники и новгородцы недоуменно толпились за частоколом – у шатров, а вокруг возбужденно гомонили пруссы: в основном, старики, женщины, дети, больные, немощные и раненые. Здоровые мужчины – дружинники Глянды и крепкие ополченцы-общинники куда-то подевались.

По глубокому снегу от поселка в лес тянулась утоптанная копытами дорожка. Широкая такая дорожка. Видать, городище покинули все, кто имел коня и способен был сидеть в седле. Любопытно... И что же сегодня пруссы будут делить? И как?

У ворот Бурцев заметил небольшой сверток. Неужели ради него и затеян весь этот сыр-бор? Странно, вообще-то: с такой котомкой нищему пилигриму впору скитаться, но для знатного кунинга, пусть и совсем обедневшего под старость, – маловато будет.

– Это что же, все добро, которое оставил после себя Глянда? – поинтересовался он у дядьки Адама.

Лучник в волчьей шкуре терпеливо объяснил:

– Даже после погребального костра и поднесенной богам жертвы в доме Глянды осталось много ценных вещей. То, что лежит у ворот – лишь малая их часть.

– И кому они достанутся? Сильнейшему? Люди Глянды будут драться за них?

– Нет, пан Вацлав, сражаться за добро своего господина общинникам не пристало. Это не добыча, отбиваемая у недруга. Тут уместно иное состязание – состязание в скорости, в быстроте коней и ловкости наездников.

- Погоди, - не понял Бурцев, - и что это значит?

- Имущество Глянды поделено на шесть частей. Части эти разложены в лесу на расстоянии в одну милю. Здесь, у ворот лежит меньшая. Дальше - доля побольше. Еще дальше - еще больше. Самые ценные вещи Глянды - положены ровно в миле отсюда. К ним-то и устремятся в первую очередь всадники кунинга.

- Ага, значит, скачки, - хмыкнул Бурцев. Что ж, тоже неплохой способ обогатиться. - Но где же сейчас претенденты на добро Глянды?

- Они отъехали еще на шесть миль дальше - к орденской дороге. Там и начнется состязание. Обладателю самого быстрого скакуна достанется самая богатая добыча. И впредь он сможет с полным правом распоряжаться ею. Тот, чей конь окажется не столь быстрым, но все же опередит остальных участников скачки, возьмет себе вторую часть от всего добра Глянды - поменьше. Третий победитель станет владеть третьей частью. Четвертый - четвертой, пятый - пятой. Шестому же достанется та малая часть, что лежит под воротами. Остальные не смогут претендовать и на это.[7 - Прим: подобный обычай описан мореплавателем и путешественником Вульфстаном из Шлезвига, побывавшим в конце 9-го века в прусских землях]

- То-то я думаю, чего люди Глянды вокруг наших лошадей крутились, - усмехнулся Збыслав. - Все торговались - порывались купить или выменять самых быстрых и выносливых.

- Все лошади на месте? - встревожился Бурцев.

- А куда они денутся? Пруссы - не конокрады какие-нибудь и гостей своих обижать не привыкли. А для нас сейчас менять или продавать лошадей - последнее дело. Добрый конь в походе - наипервейший друг. Нам же еще идти и идти до русских границ... Да и что возьмешь с этих лесных бедолаг? Им ведь и предложить за лошадей нечего.

- Мой народ всегда ценил быстроногих коней, - проговорил дядька Адам. - Хороший конь приносит удачу, победу и богатство. Но ты прав, Збыслав, мало кто из пруссов может сейчас владеть добрым скакуном. Мало кому под силу промчаться от орденской дороги до селения Глянды, так быстро, как скакали герои ушедших веков.

– Погоди-ка, дядька Адам, – Бурцев нахмурился. – Ты вот все об орденской дороге толкуешь. А не случится ли так, что люди Глянды со своими скачками протопчут сюда путь крестоносцам?

Лучник вздохнул:

– Разумные опасения. Я тоже высказывал их на собрании общины. Без толку. Соблазн овладеть добром Глянды оказался сильнее осторожности. А самый пригодный для скачек путь, которым пользовались еще предки кунинга, проходит рядом с трактом тевтонов. Конечно, на тракт никто выезжать, не станет, но... Честно говоря, я тоже беспокоюсь, пан Вацлав.

Грянули радостные вопли пруссов. Разговаривать стало невозможно. Оставалось только смотреть.

Среди деревьев замелькали всадники. Один, второй, третий... Фавориты заключительного этапа скачек. За ними, отчаянно настегивая лошадей, неслись отставшие.

До последних крох кунингова добра дорвался молодой вихрастый отрок. Пронесся на взмыленном коньке под воротами, схватил на скаку заветный сверток, поднял высоко над головой, гордый и счастливый, помчался вдоль тына. Сегодня пацан стал немного богаче...

Пруссы закричали пуще прежнего приветствуя юнца. Азартно заулюлюкали и степные воины. Любые конные забавы всегда будут по сердцу кочевому народу.

К селению Глянды тем временем приблизились проигравшие. Спешить им теперь было некуда. Хрипящие загнанные кони пошли шагом. И долго еще будут ходить по кругу, остывая после изнурительного состязания. В седлах покачивались угрюмые всадники, так и не угнавшиеся за удачей. Многие завистливо глядели в спину шустрому мальчишке. А из леса неторопливой рысью выезжали другие победители. У каждого поперек седла – добытый в честной скачке приз. Объемистей и увесистей чем тот, что достался пацану.

– Интересные у вас, у пруссов обычаи, дядька Адам! – сказал Бурцев.

Лучник в волчьей шкуре польщено улыбнулся:

- Наши тайные обряды еще интереснее, пан Вацлав.

- Правда? – наострила ушки Аделаида.

Дядька Адам вмиг посуровел:

- Сегодня ночью пройдут общинные моления об искуплении грехов. Будет покаяние, кара и жертвоприношение. Будет много криков и шума. Вам на это смотреть не нужно.

- Это так страшно? – Бурцев вспомнил: дядька Адам вроде бы уже предупреждал вчера о каких-то ужасах предстоящей ночи.

- Нет, не страшно. Но это опасно. Чужаки, которые становятся свидетелями вайделотских обрядов, должны умереть. Мне кстати, тоже нечего делать на общинных моленьях. Я не принадлежу к этой общине. Но меня, по крайней мере, не убьют, увидев на улице. Я – прусс. Вы – нет. Вы исповедуете другую веру и вас, как святотатцев, ждет смерть.

- Поэтому ты советовал нам переночевать за частоколом?

- И советую сейчас. Поверь, пан Вацлав, так будет безопаснее. Мой народ радушен и гостеприимен, но непримирим и жесток, когда дело касается наших богов и тайных обрядов.

- Не собираюсь я уходить из нашего дома в вонючий татарский шатер! – заявила Аделаида. – Чего это ради?! Хватит, наночевалась я уже по шатрам. Да там и места нет.

Бурцев усмехнулся. Надо же, какой прогресс! Дочь Лешко Белого именует их скромное жилище «нашим домом». А ведь раньше иначе как языческой халупой не называла. Что же касается места...

- Для нас с тобой у Бурангула всегда найдется местечко, – попытался он урезонить супругу.

– Все равно не пойду! – упрямо стояла на своем княжна. – Мне и здесь хорошо. Ну, не хорошо, конечно, но лучше, чем...

– Значит, я просто утащу тебя силой, – перебил Бурцев.

Аделаида чуть не задохнулась от злости. Лицо ее пылало.

– А я... я... Сбегу я, вот! – пригрозила она.

Бурцев пристально посмотрел жене в глаза Действительно, сбежит. Бегала ведь уже княжна от него в силезском лесу. Ума хватит удрать и в прусском. Но не приковывать же, в самом деле, к себе строптивую супругу. Или все же стоит? Или все же напрасно выбросил он год назад свои наручники с романтическим названием «нежность»? Ладно, пойдём на компромисс:

– Хорошо, Аделаида, остаемся. Но только попробуй ночью высунуть нос за дверь!

Дядька Адам оказавшийся невольным свидетелем их перепалки, неодобрительно покачал косматой головой. Произнес хмуро, негромко:

– Ты уж, пан Вацлав, постарайся, чтобы во время молений твоя женщина не наделала глупостей. На пиру у Глянды все обошлось, но вайделотские таинства – совсем другое дело.

Бурцев кивнул. Аделаида лишь презрительно поджала губки и сморщила свой прелестный остренький носик. В зеленых глазах блеснули нехорошие огоньки.

И без глупостей все-таки не обошлось. Не уследил он за женой.

Глава 10

Как Аделаида выскользнула за дверь, Бурцев не слышал. Сморила-таки коварная дрема. Пробудился он, когда расслабленное тело вдруг дернуло от нехорошего предчувствия. Сразу, в ту же секунду, понял: пусто в доме! Нет Аделаиды!

Ругнулся: вот ведь неугомонная стервоза! Не вняла-таки княжна дружескому совету дядьки Адама...

Вскочил. Схватил меч. Бросился к двери.

Блин! Мрак! Ночь! С черного неба уже открыто и безбоязненно пялилась желтая луна, звезды тайком подглядывали сквозь свои замочные скважины.

Бурцев осмотрелся вокруг. Хреново... Снег затоптан, и куда направилась непоседливая женушка – не разобрать. Или, может, не сама она ушла? Похитили?! После прошлогодней истории с Казимиром Куявским и Конрадом Тюрингским Бурцев стал весьма мнительным на этот счет. Фобия, однако... Кто способен похитить его жену из прусского лагеря, окруженного дозорами Дмитриевых и Бурангуловых бойцов? Разве что...

А сами пруссы? Помнится, дядька Адам говорил о молениях с жертвоприношением. Что, если имелась в виду человеческая жертва? Жизнь прекрасной чужачки в обмен на долгожданную благосклонность языческих богов... В принципе, затравленные и доведенные до отчаяния люди способны и не на такое.

Он скрежетнул зубами. Лязгнула сталь, выдираемая из ножен.

Звать на помощь? А есть ли у него время? Не подносит ли прямо сейчас фанатик-вайделот жертвенный нож к горлу Аделаиды? Да и кого звать-то? Все верные ему люди – за частоколом. Здесь, в городище, остался только дядька Адам да его стрелки. Но ведь все они тоже из пруссов. Можно ли им доверять? Сейчас? Эх, все-таки надо было выдворить Аделаиду из селения.

Со стороны сарая-храмовины доносился невнятный гул голосов. Культовое сооружение в центре поселка напоминало гигантский дом-подсвечник. Из приоткрытых ворот, редких окон и частых щелей в стенах виднелись всполохи огня. Вот туда – на огонек – и направился Бурцев. Двигался короткими перебежками – держась в тени и хоронясь за убогими лачугами беженцев. Впрочем, особо таиться было не от кого: селение обезлюдело. Похоже, все пруссы от мала до велика собрались сейчас под крышей святилища.

Лишь двое с факелами, копьями и в волчьих – как у дядьки Адама – тулупах ходили кругами по плотно утоптанному снегу возле храма. Охрана? Бурцев укрылся за пустующим домом кунинга, пропустил факельщиков, бесшумной тенью метнулся к молельному сараю. Успел добежать незамеченным, нырнул за огромную – чуть не до самой крыши грудку дров. Поленья, бревна и сухие ветки тут были навалены кучей, абы как. В общем прятаться можно...

– Вацлав... – Приглушенный голос раздался откуда-то из-под дровяных развалов. – Я здесь.

Аделаида! Жива!

Девушка забила в неприметной норке между поленицей и обмазанной глиной стеной сарая. Бурцев с трудом – не по его габаритам все же такое убежище – протиснулся к жене.

– Какого ты тут делаешь?

– Прости, Вацлав, я ... я посмотреть хотела.

– Что?! Что посмотреть?

Она хлюпала носом, мазнула слезы по щекам.

– Этот твой дядька Адам говорил, что будет интересно.

Ну, дуреха! Развлечений захотелось?

– А о том, что это опасно, дядька Адам не говорил?

– Так я же только одним глазком взглянуть хотела. Издалека.

– Ничего ж себе издалека! Сюда зачем забралась?

– Загнали меня...

Слезы уже лились потоком.

– Ты уснул, а мне скучно стало. И обидно еще было. Ну, я и открыла дверь, выглянула, а вокруг – никого. Выхожу – ни одной живой души. Подумала – не страшно, раз так. А чуть отошла от дома – шум-гам поднялся. Вижу – пруссы идут, тащат кого-то в мешке, а впереди жрец их окаянный – главный идолопоклонник с во-о-от таким посохом. Возвратиться назад я не успела – заметили бы. Ну, и побежала. Хотела сначала в доме Глянды спрятаться, да страшно стало. Там ведь столько дней покойник без погребения лежал. И земле его не предали, а сожгли по бесовскому обряду. В общем, здесь укрылась. А пруссы как раз сюда все и шли. И как пришли – так уж никуда от них не сбежишь. Тебя вот я ждала, Вацлав. А тебя почему-то не было. Долго не было...

Хм, она еще и попрекает! Ну, княжна!

– А язычники эти проклятушие с факелами и копьями туда-сюда ходят – сторожат. И страшно – жуть! Вдруг, правда, поймают, да в жертву идолам поганым принесут.

Он вовремя прикрыл жене рот ладонью – мимо как раз прохрустели снегом «язычники проклятушие». Да, уходить с девчонкой будет непросто. Ни бегать по-спринтерски, ни ползать по-пластунски Аделаида не обучена. Вырубить факельщиков? Но получится ли быстро и без шума? Может, да, а, может, и нет. И потом, портить отношения с пруссами тоже не хотелось бы. Так что драку оставим на крайняк. Пока есть возможность, лучше не рисковать. Переждать лучше пока.

Они прижались друг к другу, согреваясь. В стене – как раз на уровне носа Аделаиды – обнаружилась щель с выкрошившейся меж жердей глиной. Широкая такая, удобная щелочка. Хотела развлечений, княжна – получай.

Аделаида сама уже не рада была своей безумной выходке, но и бороться с любопытством оказалось выше ее сил. Трясаясь от холода и страха, девушка прильнула к отверстию. Вуайеристка, блин!

Как выяснилось, подглядывание обладает неслабым терапевтическим эффектом. Слезы на девичьем лице высохли мгновенно. Тело полячки перестало содрогаться от сдерживаемых рыданий. Там, в храмовине, происходило нечто

настолько захватывающее, что Аделаида вмиг позабыла обо всех бедах. Бурцев тоже не удержался – глянул внутрь чужого святилища.

Глава 11

В молельном сарае пылали огни: огромный костер, разложенный на земляном полу, и факелы на стенах давали возможность разглядеть убогий интерьер в мельчайших деталях. Вдоль стены напротив их наблюдательной позиции тянулся длинный дощатый настил. Невысокий, голый, и не понять: то ли стол, то ли лавка, то ли полати. По обе стороны от возвышения стояли вместительные крынки. В крынках белело. Пузырчатая пена норовила перевалить через выщербленные края и стечь по стенкам пузатых сосудов. «Скисшее молоко, – догадался Бурцев. – Прусский кумыс»

Сверху свисало, отсекая от людских взоров солидный угол храма, широкое полотнище. Тряпица шевелилась от сквозняков, и казалось, будто за ней кто-то лениво ворочается. Кто-то огромный и жуткий.

На ритуальной занавеске Бурцев различил изображения трех человеческих фигур: могучий бородач, седовласый старик и юнец. Вероятно, главные божества пруссов. Как их там? Перкуно, Патолло и Потримпо, кажется.

Меж костром и занавесью на утрамбованной земляной куче стоял прусс неопределенного возраста в длинном балахонистом одеянии. На переносице – шрам, левый глаз отсутствует, и не понять: то ли высечен веткой, то ли выбит стрелой, то ли выцарапан лесным зверем. В руках пруссак держал крепкий и увесистый кривой посох.

Судя по всему, обладатель посоха являлся жрецом-вайделотом – таинственным гостем из Священного леса, приглашенном на общинные моления. У ног священнослужителя зияла яма. Перед ямой застыли двое. Впереди – мужчина, за ним – женщина. Бородатый, заросший чуть ли не по самые брови мужик вцепился в веревку, привязанную к рогам черного козла. Жертвенная животина ошалело мотала головой и тихонько блеяла.

– Козел! – в ужасе ахнула Аделаида – Черный козел! Да это же не просто язычники. Это дьяволопоклонники какие-то собрались! И зверя адского с собой привели! Вацлав, мне страшно!

Она еще сильнее прильнула к смотровой амбразуре. Ну все, теперь любопытную княжну за уши не оттащишь, блин!

Женщина, стоявшая позади бородача, держала на деревянном подносе квашню. Тесто было сырым, адский зверь – напуганным, мужик с бабой – худющими и изможденными. Бурцев ничуть не удивился бы, если б узнал, что в дар богам предназначался последний козленок и последняя мера муки обедневшего рода Глянды.

За этой парой с подношениями плотным полукругом толпилась вся община. Гомон человеческих голосов стих. Люди молча внимали жрецу. Даже дети, приведенные на моление, словно прониклись важностью момента: не слышно было ни всхлипа, ни плача.

Жрец говорил. Делал он это громко, долго и вдохновенно, словно читал заунывным речитативом бесконечную героическую сагу. Вайделот то простирал руки над трепещущей паствой, то склонялся в поклонах перед обрядовым полотнищем. С древнепрусским у Бурцева было не ахти. Хоть и улавливало ухо порой в словах оратора славянские корни, общий смысл сказанного все же остался за пределами понимания.

Жрец, наконец, закончил вступительную речь. Кивок – и бородатый мужик подтащил козла поближе. Священнослужитель возложил длань на рога упирающемуся животному, затянул что-то по новой. Насколько понял Бурцев, в этот раз звучало не эпическое повествование, а торжественное перечисление. Похоже, вайделот взывал ко всем многочисленным богам и божкам прусского пантеона. Первыми прозвучали знакомые уже имена Перкуно, Потримпо и Патолло.

Жрец умолк. Боги призваны? Недолгая – в пол-секунды пауза и... Словно по команде, пруссы разом бухнулись на колени. Заголосили, заканючили, завизжали, завопили наперебой – Аделаида под боком Бурцева аж вздрогнула от неожиданности. Но наблюдения не прервала.

А в сарае творился полнейший бедлам. Кто-то бил себя кулаками в грудь, кто-то катался в пыли, кто-то рвал собственные волосы и бороду. Так, значит, это и есть общинное покаяние?! Бедные прусские небожители! Вряд ли даже им под силу разобрать хоть что-либо в этом многоголосом оре кающихся грешников.

Самоуничжительные возгласы как-то незаметно перешли в песнопения. Люди один за другим поднимались с колен. Двое или трое подхватили несчастного козла, оторвали истошно мекающую животину от земли, протащили вокруг костра. И вновь опустили перед жрецом.

Вновь стало тихо. Только жалобно блеял черный козел, да что-то втолковывал своей пастве кривой вайделот. Видимо, теперь речь шла о жертвоприношении. И правда – под козлиной бородкой в багровых отблесках костра блеснул изогнутый нож с широким лезвием.

Агонизирующего козла крепко держали за изогнутые рога над ямой в земляном полу. Кровь из перерезанных артерий упругой струей лилась в яму. Кровь пенилась. Кровь дымилась. Козел затихал.

Затем в благоговейной тишине жрец опустил в кровавую ванну деревянную чашу, зачерпнул теплой темной жидкости, брызнул вокруг. Алый крап остался на закопченных стенах сарая, несколько капель попало в костер. На углях зашипело. Приподняв полотнище, вайделот щедро плеснул и туда. Потом накапал красного в крынки со скисшим молоком. Забормотал молитву, провел над сосудами руками, освящая так любимый пруссами напиток. Бурцев поморщился. Забродившее кобылье молоко с козлиной кровью, сдобренное к тому же вайделотской магией... Забористое, должно получиться пойло!

Глава 12

Пруссы по одному подходили к священнослужителю. Тот каждому давал отхлебнуть малую толику густой липкой жидкости из ямки. И каждого метил козлиной кровью. На лицах оставались красные отпечатки жреческой длани. Лица пруссов светились счастьем. Измазанные кровью губы делали собравшихся похожими на вампиров – Иезус Мария! – тихо выдохнула Аделаида.

Однако отказываться от дальнейшего просмотра она по-прежнему не собиралась.

А мертвого козла уже рубили и разделявали на части. Мясо бросали на плоские камни очага и прямо в горящие поленья. Вскоре из щели потянуло дразнящим ароматом жаркого.

Готовили женщины. Управлялись прусские бабы и девки с мясом быстро, молча и без особых кулинарных изысков. Не готовили даже, а так – вываляв в углях, едва обжаривали поверху, а затем бросали полусырые дымящиеся шматы на длинные доски, прибитые вдоль стены.

«Все-таки это стол», – отметил про себя Бурцев.

Потом настал черед приготовления обрядовых хлебцов. Тоже любопытный ритуальчик... Занятнее даже свистопляски с черным козлом. Женщины лепили из теста небольшие колобки, по форме и размерам напоминавшие снежки, и осторожно передавали их мужчинам. Те, чуть пританцовывая и что-то бубня под нос, кидали шарики из теста друг другу – прямо через костер. Хлебцы летали над пламенем туда-сюда и постепенно твердели, покрывались коркой. Прусские «жонглеры» обжигали пальцы о горячее тесто, дули на ладони, размахивали руками. И пасовали друг другу все быстрее, все яростнее, доводя себя до исступления.

Порой летающие колобки не удавалось поймать вовремя. Они падали на землю, откатывались в сторону, иногда – в огонь. Их тут же подхватывали и, даже не сдув пыль-золу, вновь отправляли в полет.

Толком испечь хлебцы таким образом, конечно, наука мудреная, но, похоже, доводить поварскую работу до конца под сенью сарая-храмовины вообще не принято. Едва куски теста наливались слабым румянцем, их укладывали на доски рядом с дымящимся мясом.

Бурцев был озадачен. Опять намечается пирушка? А как же кара за грехи? После общинного покаяния должно же ведь последовать хотя бы символическое наказание?

Наказание последовало. И отнюдь не символическое.

Когда все недожаренное козлиное мясо и вся недопеченная сдоба лежали на досках, пруссы вновь всей толпой рухнули на пол. На ногах остался лишь вайделот. Одноглазый жрец воздел к плоской крыше сарая свой посох, что-то рывкнул – громко, но неразборчиво. Размахнулся от души, и с силой опустил кривую палку на чью-то согбенную спину. И на другую. И на третью...

Вайделот скакал и крутился в безумном шаманском экстазе. Жреческий балахон развевался подобно крыльям чудовищной птицы, кривой клюв ритуального посоха поднимался и опускался. Одноглазый лупил несчастных соплеменников направо и налево. Не пропускал никого – ни старых, ни малых. А удары, между прочим, беснующийся священнослужитель наносил умело и болезненно, со знанием дела. Такими ударами и такой дубинкой запросто можно было и изувечить человека.

Дикий вой и душераздирающие крики наполнили сарай, вырвались наружу, встревожили, разогнали тишину ночи... Покаявшиеся грешники расплачивались за все свои проступки разом. Расплачивались собственными боками, хребтом и шкурой.

Избиение продолжалось долго – до тех пор, пока свою порцию не получил каждый. Потом жрец устал. И все кончилось. И началось заново.

На этот раз уже сам вайделот, отбросив посох, упал возле ямы с козлиной кровью, скорчился, прикрыл голову руками. Пруссы тут же обступили его и – Бурцев не поверил своим глазам! – набросились всей толпой. Женщины дергали и щипали священнослужителя. Мужчины били кулаками и пинали под ребра. Не в полную силу, конечно, – не так, как давеча жрец охаживал дубиной их самих, иначе коллектив попросту размазал бы одиночку по всей храмовине. Но все равно ощутимо. Если судить по количеству доставшихся на долю вайделота тумачков – более, чем ощутимо. Видимо, за свои грехи на общинном покаянии должны держать ответ все без исключения участники молений. Бурцев возблагодарил судьбу за то, что пруссы не имеют обыкновения приглашать на свои тайные обряды гостей.

– Что они делают?! – изумилась Аделаида.

– Сама не видишь, что ли? Бьют своего священника. Он ведь тоже человек. Значит, не безгрешен.

– Варвары! Язычники! Идолопоклонники богопротивные!

– Ну, по крайней мере, они равны перед своими богами, – заметил Бурцев. – Любимчиков у прусских небожителей нет. Согласись, редкая религия может похвастаться такой беспристрастностью.

К жрецу тем временем приложился последний малец. Затем битая паства осторожно подняла избитого пастуха, и усадила его на земляной холмик. Самая неприятная часть покаянного собора осталась позади. Начиналась самая приятная.

Молитвословие и исповедальные речи, чередовавшиеся с кулинарными экспериментами и лупцеванием по принципу «один на всех и все на одного», подошли к логическому завершению. Пруссы повалили к столу – за подостывшем уже мясом и коlobками.[8 - Прим: Групповые моления и покаяния, сопровождающиеся жертвоприношением, избиением жрецом паствы и паствой – жреца и завершающиеся трапезой проводились в прусских общинах до шестнадцатого века. Именно тогда эти языческие обряды описал путешественник Марцин Муруниус]

Ели все. Ели жадно, как и полагается голодным, уставшим, освободившимся от тяжелых грехов людям. Хватали руками, до чего дотягивались. Рвали зубами полусырое козлиное мясо. Вгрызались в хрустящую корочку обрядовых хлебцев, под которой густой липкой тянучкой белело непропеченное тесто.

– До чего же все это противно, – кривила губки Аделаида. – Свиньи! Звери!

Ей-то что. Княжна отужинать успела, а вот он, Бурцев, – ни фиги: уснул на голодный желудок. Пруссы же так аппетитно уплетали свои полуфабрикаты – аж слюнки потекли... Бурцев вздохнул. Он бы тоже не отказался сейчас ни от козлиного бифштекса с кровью, ни от непропеченного калача. Да кто ж предложит...

Заурчало в животе. Заныло под ложечкой.

А потом заскрипел снег. Сзади – за спиной! Не там, в отдалении, где бродили часовые с факелами, а вот здесь – совсем рядом, возле их с Аделаидой убежища.

К куче дров шагнул человек. Без факела. В прусском волчьем тулупчике. С лисьей тушкой на плече. Интересно, при чем тут лисица-то?

Человеческая фигура приблизилась почти вплотную, склонилась, заглядывая меж поленьями. Бурцев отвел назад руку с обнаженным мечом. Для хорошего замаха и приличного рубящего удара – слишком тесно. Отправить прусса в нокаут тоже – никак. Не развернешься в этой дровяной норе... Одно неосторожное движение обрушит всю поленицу – и пиши пропало. Грохот услышат в сарае. Придется просто заколоть, нанизать не в меру любопытного пруссака на клинок прежде, чем тот поднимет тревогу. Нехорошо, конечно, с союзниками этак-то. А что делать, если Аделаиде грозит смерть от рук фанатиков? С фанатиками ведь не договоришься. Тут уж выбирай: или – или. Бурцев выбрал Аделаиду.

Обнаженный меч задел обледеневшее полено. Чуть слышно звякнуло.

– Не надо, Вацлав, – тихо произнесла темная фигура голосом дядьки Адама.

Фу-у! Пронесло... Хотя пронесло ли? Меча Бурцев не выпустил.

– Как ты... сюда...

– Решил проверить, вняла ли твоя женщина моему совету. Извини, у меня были сомнения на этот счет. Вижу теперь, что не напрасные. Вылезайте оттуда. Оба. Быстро. Бегите за дом Глянды и возвращайтесь к себе.

– Но охрана...

– Охрана сейчас у ворот – ждет свой доли жертвенного мяса и хлеба, освященного храмовым огнем.

– Аделаида не успеет добежать.

– Успеет. Если потребуется, я отвлеку сторожей. Меня не тронут. Я принадлежу к другой общине, но не к другому народу. Меня здесь не считают чужезерцем. В храм, конечно, сейчас не впустят, но кто воспрепятствует мне, пользуясь случаем, передать жрецу-вайделоту приношение для наших богов? Вот

специально подстрелил рыжую.

Пожилой прусс кивнул на свою пышнохвостую ношу. Мертвая лисица скалилась в темноте. Маленькие остренькие зубки хищницы белели в разинутой пасти. Зловеще зияла пустая глазница. Пушистая еще по-зимнему рыжая шкурка не подпорчена: прусская стрела вошла зверю точно в глаз.

– А вот с вами никто церемониться не станет, – продолжал дядька Адам. – Скоро трапеза закончится, и остатки священной пищи будут погребены здесь – под стенами храма, дабы ни птица, ни зверь не добрались до еды, принадлежащей богам. Вас непременно найдут, так что вы уж поторопитесь.

– Спасибо, дядька Адам!

Бурцев вышел из укрытия первым. Не пряча меча, глянул по сторонам. Чисто... Позвал:

– Аделаида!

Княжна выбралась из-под дровяного развала надутая и недовольная. Одарила прусса недружелюбным взглядом. Даже не кивнула в знак признательности. Теперь, после подсмотренного языческого обряда, добрая католичка Агделайда Краковская, прониклась к местным идолопоклонникам еще большей неприязнью, чем прежде. Ну, да ладно, сейчас не до разборок.

– Бежим! – Бурцев уже тащил жену за собой.

Она не особенно-то упиралась. Оставаться возле опасного сарая Аделаида не желала и резво перебирала стройными ножками.

Дядька Адам смотрел им вслед, пока беглецы не скрылись за пустующим домом мертвого кунинга. Потом вздохнул и направился к воротам храма. Охрана с факелами и копьями ринулась навстречу.

– Подношение богам Священного леса! – крикнул по-прусски лучник, предостерегающе поднимая руку и сбрасывая с плеча мертвую лисицу..

Храмовая стража признала дядьку Адама и замедлила шаг.

– Твое подношение будет передано, – сдержано и не очень дружелюбно ответил стражник постарше. – Оставь его здесь, а сам ступай прочь, человек другой общины.

Одноглазая лисица упала на грязный снег. Дядька Адам неторопливо удалился.

Бурцев с женой были уже далеко.

Глава 13

Он поплотнее прикрыл дверь и повернулся к супруге.

– Аделаида, разговор есть. Когда начнем – сейчас или завтра?

Она не ответила. Демонстративно улеглась на тесные полаты, зарылась в шкуры, повернулась к стене. Не желаешь ничего обсуждать, милая? Что ж, он не возражает. Он готов и подождать. Пускай девчонка успокоится, выспится, поостынет малость. А утро – оно вечера мудренее...

На следующий день разговор состоялся. Серьезный разговор. С утра пораньше.

И начала его сама княжна.

Бурцев проснулся от немилосердной тряски.

– Увези меня отсюда, Вацлав! – требовала Аделаида. – Слышишь, немедленно увези!

– В чем дело? – рука метнулась к мечу. – Что стряслось?

Об их вчерашней прогулке стало известно?

– Какой-то прусский гаденыш приходил, – быстро-быстро заговорила Аделаида. – Мальчишка лет десяти – то ли отрок, то ли слуга чей-то. Разносил по домам кобылье молоко – ну, кислятину, что пьют татары и пруссы. И нам тоже миску притащил. А в миске вместе с молоком кровь плескалась. Я сразу смекнула: это ж то самое пойло, над которым колдовали ночью идолопоклонники на своих бесовских молениях!

– Ну и что за беда? Поблагодарила бы, да слила где-нибудь тайком, раз так брезгуешь.

– Благодарить?! За сатанинское зелье?! Да в своем ли ты уме, Вацлав?!

– Послушай, Аделаида...

Слушать его она, однако, не хотела.

– А вдруг и на пиру у Глянды нас пытались опоить таким же колдовским зельем?

Бурцев пожал плечами. Могли вообще-то. Только вряд ли со злым умыслом. Исключительно из уважения к дорогим гостям. Но вообще-то, насколько он помнил, крови в пиршественном кумысе не было.

– Тебя вон, я смотрю, точно опоили, – неистовствовала княжна. – Иначе с чего ты так ласков к прусским язычникам, а?!

– Ласков? Отнюдь. Просто корректен и толерантен. – Что?! Вацлав, да ты уже заговариваться начал!

– Ладно, не бери в голову. Скажи лучше, что ты сделала с этим кровавым кумысом?

– Да просто выплеснула гадость в рожу прусскому выродку и вышвырнула дьяволенка за дверь. Не пить же мне языческое пойло?!

Бурцев тяжело вздохнул:

– Ох, напрасно ты так... Разве княжон не учат соблюдать хотя бы элементарные нормы приличия? Особенно в гостях? Давно бы пора поговорить с тобой на эту тему.

И вот тут княжна взбеленилась по-настоящему:

– Ты, Вацлав, меня не покупал, как эти язычники пруссы покупают себе жен. Поэтому не смей меня поучать! Слава богу, до сих пор мне своего ума хватало!

– Милая, я только рад за тебя, если это так, хотя, сдается мне...

– Что?! – взвизгнула Аделаида. – На что это ты намекаешь? Не любя я тебе стала больше, да?

– Да любя, любя, успокойся, – махнул рукой Бурцев. – Дело в другом...

– Точно, в другом! – Прошипела полячка. – А знаешь в чем, Вацлав? В том, что ты мне не люб!

Сказала, как отрезала. Как кувалдой по башке... Бурцев опешил: раньше у них до такого как-то не доходило.

– Что?

– Да-да-да! Если хочешь знать, давно уже ты мне не люб! Ты противен мне, Вацлав! Про-ти-вен! Пан Освальд – и тот милее моему сердцу. Он хотя бы настоящий рыцарь при каком-никаком, замке, и он знает, как следует вести себя со знатными дамами. Да что там Освальд! Я уже начинаю жалеть, что не стала женой Казимира.

Врала, конечно, по глазам видно, что врала...

– Когда я была пленницей куявского князя, он держал себя со мной более почтительно и достойно, чем ты сейчас!

Да, она врала, но умело накручивала сама себя своим враньем. И его, между прочим, тоже накручивала. А ведь есть предел любому терпению!

– У Казимира целое княжество было. И замки были, и имения. И с дьяволопоклонниками, пьющими кровь черных козлов, Казимир Куявский не путался.

– Хочешь сказать...

– Я, Вацлав, хочу сказать, что лучше мне быть куявско-тевтонской шлюшкой, чем твоей женой...

Врала... Ведь врала же и, наверное, даже в запале не верила собственным речам. Но кричала ему в лицо обидное так, будто верила.

Рука поднялась сама. Удар вышел не сильный – в последний момент Бурцев все же сумел удержаться от соблазна вмазать со всей дури, от души, по-прусски. Ударил так, слегка. Любя. Однако княжна повалилась с ног.

Тишина... Как все же хорошо, когда тихо. Бурцев вздохнул. До сих пор он супругу не бил. Но, видимо, надо когда-то начинать, раз такое дело.

Аделаида медленно-медленно поднялась с грязного пола. Изумленная и злая. Лицо княжны побледнело и пошло пятнами. Губы дрожали от едва сдерживаемого гнева.

– Бить?! Меня?! – она держалась за ухо и растерянно хлопала глазами. – Ты смеешь поднимать руку на дочь Лешко Белого, вонючий выскочка, мужлан, нацепивший рыцарские шпоры, но не обретший рыцарской чести? Да я... я тебя презираю. И знаешь, что Вацлав?

Все было как раньше, как в день их первого знакомства в глуши силезского леса. Только злее. Теперь от ненависти, горящей в очах полячки, казалось, вот-вот расплавятся кольчужные звенья на его груди.

– ... Знаешь что... знаешь... – задыхалась она.

Бурцев устало вздохнул:

- Ну и чего ты хочешь, Аделаида? Чего ждешь от мужа, которого не любишь?

Она фыркнула:

- Или мы немедленно уезжаем отсюда, Вацлав, или... или...

Какова была альтернатива, Бурцев так и не услышал. Хлопнула дверь. На пороге стоял дядька Адам. Хмурый и нелюдимый, как обычно. Ну, какая нелегкая его принесла так не вовремя! И почему пруссы не приучены стучать, прежде чем войти?

- Послушай, - начал Бурцев. - С пацаненком вашим недоразумение вышло. Мы извиняемся, но давай об этом чуть позже, ладно?

Дядька Адам махнул рукой:

- Это наша вина. Надо было толково объяснить парню, кому предлагать освященное молоко, а кому - не стоит. Я сейчас к тебе по другому делу, Вацлав. По срочному и неотложному.

- Говори, - вмиг подобрался Бурцев. Дядька Адам - основательным мужик. Срочным и неотложным делом пустяки называть не станет.

- Дозоры, наблюдающие за Наревским замком, заметили шевеление у тевтонов. Немцы снимают со стен знамена и, похоже, готовятся к походу. Не желаешь сам поговорить с дозорными?

Немцы готовятся к походу? Это серьезно. Это значит, что скоро замок опустеет, и крестоносцам трудно будет перекрыть все пути. Можно будет уйти в Литву, а оттуда - на Русь. Было бы неплохо, совсем неплохо. И в первую очередь для Аделаиды, которой так не терпится сменить обстановку.

- Сейчас, дядька Адам, иду...

Он шагнул к двери.

– Идешь? – взвилась полячка. – Вот как?! Сначала распускаешь руки, а потом бросаешь жену и бежишь к своим разлюбленным пруссам?! Что, не терпится гореть с ними в геенне огненной? А не боишься, что я тоже вот так же убегу?

– Замолчи! – рявкнул он, не сдержавшись, – Я скоро вернусь.

Она не ответила. Лишь разъяренной волчицей прорычала что-то нечленораздельное. И хлопнула об пол очередную миску.

Глава 14

Дядька Адам деликатно притворил за собой дверь. Бурцев сплюнул, вышел вслед за пруссом. Шибанул в сердцах дверью так, что вздрогнули стены. Фу-у-ух, – утер пот со лба. Ну, и стервова же эта княжна, если рассудить. И угораздило же влюбиться в такую!

Прусский лучник глядел сочувственно и понимающе:

– Пусть Аделаиду не подпускают к лошадям, а то мало ли... – попросил Бурцев. – И знаешь что, дядька Адам, поставь-ка кого-нибудь присмотреть за ней. Пока меня нет, лучше ей вообще не отлучаться из дома.

Он и не подозревал, что притихшая полячка, прильнув к двери, прекрасно слышала слова, не предназначенные для ее ушей. Домашнего ареста Аделаида дожидаться она не стала. И к лошадям не пошла.

Слезы текли по лицу княжны. Слезы ярости, унижения и злости. В таком состоянии оскорбленной Агделаиде Краковской дочери Лешко Белого лошади ни к чему. В таком состоянии ей страх – не страх и любые сугробы – по колению. Дрожащими руками полячка нацепила на шею подвеску, которую Бурцев терпеть не мог – «шмайсеровскую» гильзу в золотой оправе, подарок пана Освальда. Специально нацепила, сознательно. Сейчас это был ее флаг, ее вызов и объявление войны.

Она уходила пешком. Выскочила из дома, пока не поставлено стража, прошествовала – стремительная, гордая, покрасневшая – мимо неказистых прусских лачуг и грязных землянок, вышла за частокол, ускорила шаг, обходя походные шатры кочевников и русичей. Кто-то, кажется, Збыслав окликнул девушку. Аделаида даже не повернула головы – много чести! Литвин пожал плечами, посоветовал далеко в лес не уходить. Затем, поразмыслив, отправился искать пана Вацлава. Но было уже поздно: Аделаида вошла в подлесок, побежала. Далеко, быстро, выбирая самый неторный путь, по которому проще пройти пешему, нежели конному... Никакая погоня не должна была ее настичь.

Аделаида бежала, не видя перед собой дороги. Бежала ради того лишь, чтоб бежать. Проваливалась в снег, падала, поднималась и бежала снова. Обида, жуткая обида поглотила ее целиком, а обильные слезы смыли без остатка и страх и осторожность. Чужой незнакомый лес? Подумаешь! Непролазные топи вокруг. Ерунда! Тевтонские отряды? Как же! Они ни в жизнь не полезут в эту дыру! Нет, прочь, прочь от ненавистного прусского селения. Прочь от нищеты и убожества. Прочь от угрюмых язычников и их бесовских игрищ. Прочь от укоризненного взгляда Вацлава.

Деревья кончились. Дорога пошла в гору. А там, на возвышенности – новый лес. Мрачный – не чета низинному. И два каменных истукана преграждают путь. Грубо высеченные из скальной породы (откуда только взялись в этих лесисто-болотистых местах скалы?) фигуры бородатых воинов. Выше человеческого роста. Много выше... Стоят один подле другого, глядят задумчиво в хмурое небо, пыжата показывают свою значимость.

Аделаида невольно сбавила шаг. Прусские идолы, к которым Вацлав почему-то категорически запрещал приближаться, издали смотрелись довольно зловеще. А плевать! Хватит! Раз уж муженьку лесное бесовское племя оказалось милее и дороже жены, его запреты больше ничего не значат для нее. Да и что сделают доброй христианке каменные истуканы при свете дня, под всевидящим оком Создателя? Ночь – время нечисти, а сейчас...

– Стой! Аделаида, остановись!

Княжна обернулась. Вацлав, мчавшийся по ее следам, только-только выскочил из нижнего леса и отчаянно размахивал руками. Отсюда, сверху, он казался таким маленьким, никчемным и беспомощным! Полячка не сдержала насмешливой улыбки. Утерла рукавом зареванное лицо, побежала дальше.

– Сто-о-ой!

Ну, уж нет! Крики только подстегивали девушку. Ну-ка побегай, побегай, пан Вацлав. Не смог удержать жену подле себя, так теперь давай-ка – поработай ножками!

Вблизи языческие идолы выглядели вовсе и не страшно. Валуны-валунами, только большие и немного подбитые неумелыми каменотесами. Ни в какое сравнение не идут эти грубо высеченные прусские статуи с работами придворных краковских мастеров! Аделаида демонстративно прошла между истуканами, одного даже пнула ножкой. С трудом поборола соблазн показать язык преследователю.

В голове уже возникла озорная мысль: зайти в лес – недалеко зайти, совсем чуть-чуть, чтобы только укрыться за толстыми стволами, и понаблюдать за Вацлавом. А что? Неплохая возможность проверить, так ли уж сильно любит ее муженек, как о том рассказывает. Бросится ли следом, не раздумывая, или смалодушничает, стушует перед прусскими каменюками? С человеком-то во плоти он драться горазд – это ей ведомо. А вот сможет ли преодолеть страх перед языческими божками?

От того, что сама она решилась преступить запретную границу, сердце переполняла гордость. Обида сменилась азартом. Аделаида аж прыснула от избытка чувств. Ей предстояло новое развлечение, и до чего же весело было, обернувшись назад, увидеть ужас в глазах Вацлава и его нелепо распахнутый рот.

Княжна, поглощенная опасной игрой, не заметила, что смотрит на нее не только муж-преследователь. За легконогой беглянкой уже наблюдали, ничем пока не выдавая своего присутствия, и чужие глаза. Не одна пара. Глаза наблюдали из Священного леса пруссов.

С тяжелым сердцем Бурцев прошел между фигурами легендарных прусских вождей-воителей Брутена и Видевута. С нехорошими предчувствиями ступил на заповедную территорию. Ох, напрасно не сказал он Аделаиде всей правды. Напрасно утаил от полячки, что опасаться на лесном капище следует вовсе не языческих духов, а их жестокосердных слугителей. Теперь девчонке неведомо даже, где таится истинная угроза. Да и до угроз ли ей сейчас. Аделаиде в гневе отказывает элементарное чувство самосохранения. И днем, под ярким солнышком, разъяренную княжну побасенками о нечисти не больно-то и испугаешь.

Хотя... Хотя, насчет яркого солнышка, это еще как сказать. Под вековыми деревьями-великанами солнце казалось не таким уж ярким. Чаша, где скрылась Аделаида, молчаливо обступила непрошенного гостя, затенила, отрезала от остального мира, будто вобрав в древесный кокон. Нет, вроде бы ничего не изменилось. Никакой явной разницы между нижним лесом и леском на взгорье рациональная часть сознания Бурцева не улавливала.

Но... Но как-то по-особенному зловеще выглядели густо растопыренные над головой голые ветви. Не бодро, не успокаивающе, а тревожно скрипело под ногами. А налетевший вдруг ветер сыпанул прямо в лицо снег с еловых лап. Точно сыпанул, словно прицелившись.

Бурцев поежился. Может быть, каменные стражи не столь уж безобидны? Может, души древних прусских героев, в самом деле, витают над языческим святилищем и гонят чужаков прочь? Может, оживший лес уже поглотил глупышку Аделаиду всю без остатка и теперь готовится закусить новой жертвой? А что, в конце-то концов, он уже испытал однажды силу древней магии. На собственной шкуре испытал. Ведь именно колдовской обряд арийских эзотериков, реконструированный неоскинхэдами, забросил его в прошлое. И кто знает, чего следует ожидать теперь от заклинаний прусских жрецов-вайделотов?

Бурцев тряхнул головой. Хватит! Пора избавляться от наваждения. Он двинулся дальше – по протоптанному в снегу следу. Беглянка зайцем петляла меж деревьев. И... И похоже не только она! Много, слишком много вокруг следов для одной-то девчонки. Кто ж тогда его путает? Люди? Духи? Духи вообще-то следов не оставляют. Или все же оставляют? Тут всякое может случиться... Бурцев крикнул:

– А-де-ла-и-да!

Отозвалось:

– Аиа-аиа-аиа...

Подумав, добавил дурацкое:

– Ау!

– У-у-у! – вновь глухо откликнулся лес.

Однако! Зябко как-то на душе... Но все равно княжну сейчас надо спасать, а не ужастики фантазировать. Глубокий вздох. Пот – со лба. Вытер, стряхнул – аж с руки брызнуло. Зато, вроде, отпустило. Да, слабоваты будут прусские колдуны и божки их священной чащобы. Только и хватает силенок, что мороку напустить. Хотя какой там морок! Самовнушение иногда похлеще магических заклятий будет. Поддашься – застращаешь сам себя до потери пульса.

Огляделся. Лес вокруг как лес. Обычный, зимний еще, хоть начало весны на календаре. Ну, а то, что шумливый такой, и снегом сыпет – так ведь на взгорье вырос. Любой ветерок теперь ловит безлистными ветками и пушистыми хвойными лапами. А поймав, не сразу выпустит. Помусолит сначала, поболтает меж ветвей и только потом...

Стоп! Вот это уже точно не ветер! То ли женский вскрик, то ли всхлип? То ли просто показалось? Нет, вот снова!

Бурцев пригнулся, мягко – по-кошачьи – побежал на звук, глянул из-за толстого шершавого ствола. Следы. Примятый снег. Еще следы. И еще. Много следов. Больше, чем раньше. Нет, княжна точно так наследить не смогла бы.

Древнее русское ругательство в три этажа сорвалось с губ. Простое и в то же время витиеватое, изощренное. Странно оно, наверное, прозвучало в святилище пруссов. Но вовсе не местных богов крыл сейчас отборным матом Бурцев и даже не жрецов Священного леса, а себя неразумного. Дурак ведь дураком: бросился сгоряча в погоню за глупышкой Аделаидой, а сам оплошал непозволительно: не

захватил никакого оружия. Чем теперь от фанатиков-вайделотов отмахиваться? Хотя, какое там! С тяжелым мечом, секирой или копьем он вообще вряд ли угнал бы за прыткой полячкой. Да и кто знал, что княжна побежит именно к запретной чаще?

Хрясь! Бурцев выломал прочный увесистый сук, оборвал ветви. Вы уж простите, господа пруссаки, но одним осквернением Священного леса больше, одним меньше – это уже не важно, а чужую жену вы все-таки вернете. И вернете в целости и сохранности. Иначе тевтоны покажутся вам невинными ангелочками.

Палка хорошо лежала в руке. И по весу и по длине смахивала на милицейскую дубинку. Что ж, вспомним ооновскую молодость...

Еще один вскрик. Понятно кто и откуда кричит. Бурцев диким вепрем ринулся вперед. Знать судьба у него такая – всю оставшуюся жизнь гоняться за строптивой полячкой и вызволять ее из бед.

Глава 16

– ...реть вам вовеки в геенне огне...

– ...долов каменных на головы ваши твердолю...

– ...жидает вас участь всех язычников греш...

Нет, Аделаиду не мучили, не убивали, не приносили в жертву. Пока не приносили. Связанная княжна разорвалась, лежа посреди большой утоптанной поляны под не просто огромным, а чудовищно огромным – Бурцев и не подозревал, что такие вообще существуют в природе – дубом.

Здоровенные неподъемные глыбы – вроде тех, из которых были высечены статуи Брутена и Видевута – окружали поляну и валялись поодаль – в густом ельнике и меж голых лиственных деревьев. Черные верхушки камней оскаленными зубами торчали из прокушенных белых сугробов. Выглядело все так, будто некие великаны задумали возвести посреди леса гигантский мегалитический

памятник, но, притомившись в самом начале работы, бросили грандиозную стройку. Осталась лишь кое-как обозначенная неровная окружность с проплешиной посредине и разметенным остывшим кострищем.

«Каменный Круг Смерти! – понял Бурцев. – И погребальный костер кунинга Глянды! И вайделотский дуб – святая святых заповедного леса пруссов!».

И связанная Аделаида! А на шее княжны – дурацкая цацка из стрелянной гильзы в золоте.

В изголовье девушки восседал один-единственный страж – кривой на левый глаз вайделот. Жреца Бурцев узнал сразу: именно он заправлял общинными молениями в храме-сараяе. Поверх жреческого балахона на одноглазом сейчас был надет засаленный меховой тулупчик. Кривой посох валялся поблизости.

Калека-вайделот вел себя более чем странно: не глядя на пленницу, он то зажимал ей рот рукой, то давал Аделаиде возможность прокричаться секунду-другую. Потом снова флегматично опускал грязную ладонь на лицо княжны. И снова убирал. И опять повторял процедуру.

Что именно кричит полячка, кажется, совершенно не интересовало прусского друида. Видимо, для него сейчас был важен крик как таковой. Это настораживало. Как и то, что Аделаиду охранял лишь один человек. А где же остальные вайделоты? Где их пресловутый Кривайто?

Все это здорово смахивало на ловушку. Если жрецы Священного леса выследили и поймали девушку, они не могли не заметить и преследующего ее Бурцева. И разумно рассудили, что второй святотатец сам прибежит на крики пленницы. Значит, все-таки засада? Не может ведь одноглазого калеку оберегать только сказочный дуб-великан.

Хотя дубок-то не простой. Ствол у лесного великана – неохватный, а меж мощных корней зияют три глубокие ниши. В каждой – по раскрашенному глиняному истукану почти в рост человека. В центре – краснорожий дядька с черной кудрявой бородой. Перед этим идолом тлеют угли небольшого костерка. Судя по обилию золы, давно уже тлеют. Что-то тут у пруссов вроде незатухающего вечного огня.

Справа от чернобородого стоит грубо слепленная статуя совсем еще молодого парня. На голове юнца – глиняный веночек из колосьев, а подле ног – горшок, набитый соломой. На горшке – незамысловатый узорчик в виде змейки.

Из левой ниши грозно смотрит суровый старикан в рогатом шлеме – тоже из глины. Рядом с дедком аккуратно сложены человеческий, лошадиный и коровий черепа. Эти уже настоящие.

«Обитатели прусского пантеона, – догадался Бурцев. – Молниевержец Перкуно, бог молодости, урожая и источников Потримпо, и повелитель мертвых Патолло. Ох, и попал же ты, Васька, в самое сердце Священного леса попал!»

Он выставил перед собой дубинку, опасливо осмотрелся по сторонам. А вот глянуть вверх – за еловые лапы, под которыми сам же и прятался – не удосужился. Напрасно...

Шаг, два – и жрецы посыпались с деревьев как горох. Захлопали в воздухе длинные широкие одежды. Что-то мелькнуло перед глазами. Послышался сухой стук дерева о дерево. Первый нападавший рухнул прямо на руки, выбил посохом палку. Еще двое или трое спрыгнули справа, другая парочка – слева. А сколько противников очутилось сзади него, Бурцев даже не понял. Зато ощутил хрясткий удар по затылку. Хорошенький такой удар. Неточный, правда: тот, кто его нанес, видимо, сам не удержал равновесие после приземления. Да и толстая войлочная шапка-подшлемник уберегла голову. Но с ног Бурцева все-таки сшибло.

Он выкатился из укрытия к языческому капищу – прямо в Круг Смерти. Используя инерцию, кувыркнулся через плечо, подскочил на ноги, прыгнул вперед – под дуб.

Охранник Аделаиды уже стоял в боевой стойке, направив свой посох в голову противника. То ли ударить хотел, то ли зацепить изгибом кривой палки за шею. В любом случае выпад прусса не достиг цели.

Бывший омовец уклонился от просвистевшей палки, левой рукой отбил жреческое оружие в сторону, правой нанес в открытую челюсть одноглазого добрую зуботычину. Вайделот перелетел через валяющуюся сзади пленницу. Грохнулся на спину. Подвывая и подволакивая за собой посох, пополз за дуб.

Рот Аделаиды больше не зажимала жреческая ладонь. И княжна вопила в голос. Обрадованно вопила, восторженно. Словно азартная фанатка на боях без правил.

– Вацлав! Давай, врежь этим язычникам! Бей идолопоклонников богопротивных! Разорви их всех!

Полячка кричала и подбадривала, будто и не было между ними недавней размолвки. А бой под дубом нешуточный! Десяток кряжистых бородатых пруссов с дубьем в руках уже обступали безоружного противника и связанную девчонку. Ничего ж себе раскладец...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Прим: женщина (татарск)

2

Прим: влиятельные кланы прусской знати в 13 веке

3

Прим: барздуки, именовавшиеся также маркополями – низкорослые существа, которые, согласно прусским легендам, могли жить как среди людей, так и среди духов

4

Прим: история с первым христианским миссионером в Пруссии св. Адальбертом произошла в конце 10 века. Христианин нарушил границу Священного леса Кунтер и могильника Ирзекапинис, известного, как «могила гребцов» и был убит.

5

Прим.: В прусских племенах, действительно, царил культ лошадей, а потому знатные пруссы предпочитали кумыс из молока кобылиц всем другим напиткам. По данным некоторых исследователей, само слово «прусс» родственно слову «конь», «лошадь». Не исключено, что употребление кумыса могло восприниматься, как ритуальный акт, сближающий всадника и лошадь

6

Прим: прусские священнослужители, специализирующиеся на похоронных обрядах

7

Прим: подобный обычай описан мореплавателем и путешественником Вульфстаном из Шлезвига, побывавшим в конце 9-го века в прусских землях

8

Прим: Групповые моления и покаяния, сопровождающиеся жертвоприношением, избиением жрецом паствы и паствой – жреца и завершающиеся трапезой проводились в прусских общинах до шестнадцатого века. Именно тогда эти языческие обряды описал путешественник Марцин Муруниус

Купить: https://tellnovel.com/ru/mel-nikov_ruslan/taynyy-rycar

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)